

ЕЛЕНА ЭСТИ

МАРГО И КАРУСЕЛЬ

ИСТОРИЯ ОДНОГО
ВИТКА

Елена Эсти

**Марго и карусель.
История одного витка**

«Издательские решения»

Эсти Е.

Марго и карусель. История одного витка / Е. Эсти —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501237-1

Молодая француженка Кристин — современная Амели, с ее появлением жизнь Риты (Марго) закручивается словно карусель. Марго снятся черно-белые сны, и она начинает писать сценарий. Как только написана первая строчка, события в жизни двух девушек входят в резонанс. Они говорят об отношениях, культурных отличиях. Страсть к жизни, желание жить на полную синхронно приводят девушек к схожим обстоятельствам. Этот веселый и беззаботный симбиоз приводит к неожиданному результату и новому пониманию жизни.

ISBN 978-5-00-501237-1

© Эсти Е.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I КАРУСЕЛЬ	6
ГЛАВА 1	6
Черно-белые сны	6
THE POWER OF BONJOUR	6
ГЛАВА 2	14
Черно-белые сны	14
ДРУЗЬЯ И PETITS AMIS	14
ГЛАВА 3	19
Черно-белые сны	19
BRUXELLES, A VOTRE SERVICE	19
ГЛАВА 4	26
Черно-белые сны	26
КРИСТИН И РЕБЯТА	26
ГЛАВА 5	33
Черно-белые сны	33
ГЛАВА SOUS LE CIEL DE PARIS	33
ГЛАВА 6	42
Черно-белые сны	42
КАРУСЕЛЬ НАБИРАЕТ ХОД	42
ГЛАВА 7	51
Черно-белые сны	51
ВЕТЕР ПЕРЕМЕН	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Марго и карусель История одного витка

Елена Эсти

© Елена Эсти, 2019

ISBN 978-5-0050-1237-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I КАРУСЕЛЬ

ГЛАВА 1

Черно-белые сны

Они сошли с карусели.

Александр умер в Париже холодным октябрьским утром 1977 года.

Шарлотта прожила всю жизнь в Париже и умерла в Лондоне в декабре 1981 года за десять месяцев до рождения Марго.

С тех пор Лондон – это холод, туман и смерть. Париж – это нескончаемая жизнь и вечная радость.

Теперь меня зовут Марго. В новой жизни ничего этого я не помню, но эмоции тех событий накрепко запечатались в моих душевных закоулках. Каким-то образом я сберегла их для новой жизни, а Париж напоминал о себе, искал подходящего момента, чтобы заявить о важности нескончаемой жизни и вечной радости.

В новой жизни, снова будучи младенцем, я вспоминала Париж по звукам песен и отрывкам черно-белых кинофильмов. Я знала, что была счастлива там. В коляске смотрела на солнце и напевала Champs Élysées на младенческом варианте французского. Я услышала эту песню по радиоприемнику, в то время в Советском Союзе она была крайне популярна.

Язык я учила также по книгам и фильмам. Казалось, что я его уже знала, потому вспоминать было просто и приятно. Я чувствовала, что вместе с его звуками я распаковываю уже отжившие впечатления минувших дней, а еще тяжелый и смутный туман, который приятно обволакивает для долгого сна.

THE POWER OF BONJOUR

Когда я стала записывать черно-белые сны-видения мне стало легче – отчетливо начало приходить понимание, что мое присутствие и жизнь могли происходить в другом времени и пространстве.

Сны о себе, о Париже, черно-белой утопии, приглушенно, но разборчиво напомнили о давней мечте – написать сценарий для фильма. Часто мне казалось, что я живу в мире, где все люди благородны и красивы, словно они персонажи идеально очаровательных французских фильмов сороковых-пятидесятых годов.

Каким бы причудливым образом в моем сознании ни рождались эти картинки, жить в этом вымышленном эпичном коконе было ярко, приятно и, наверняка, правильно. В моем внутреннем мире находилось место для этих прекрасных «воспоминаний» – они словно кино-пленка часто возникали перед моим внутренним взором.

Впрочем, жизнь в Украине не всегда соответствовала этой действительности. Черно-белые видения перевернули мое объяснение реальности: оказалось, что времени – целая вечность, а где ты живешь и на каком языке говоришь, по сути, не имеет значения. Девушка Рита, которой я являюсь, – это только часть моей личности, но точно не полная ее версия.

Эти странные размышления появились еще тогда, когда у меня была стабильная, но рутинная работа, а опыт созревания и взросления был до скрежета зубов скучным и универсальным для многих поколений и столетий. И если кто-то обвинит меня в излишней меч-

тательности, то следует сказать, что я работала менеджером по продажам в иностранной компании. Поверьте, для такой работы нужна изрядная доля рациональности.

В сентябре 2012 года на предприятии объявили о сокращении моего отдела, и я как самая молодая должна была покинуть работу. В тот день мне превиделся туман, смерть и удушье, но это было временной трудностью. Из моего мечтательного «Я» пришло совершенно явное предчувствие, что скоро у меня начнется другая жизнь – новая жизнь! Я знала, потому что это уже происходило с со мной.

Бывшая работа не будет центральной линией моего рассказа, но нескольких абзацев внимания она заслуживает. Придя в компанию еще стажером, я несколько лет проработала на достаточно рутинной должности, ведя базу данных. Через несколько лет меня повысили до менеджера по продажам, что давало мне возможность почувствовать финансовую прочность, путешествовать по Европе и даже откладывать сбережения.

Всему хорошему приходит конец, но грустить мне не хотелось. Следуя за своими черно-белыми снами, я решила написать сценарий и выучить, наконец, французский до приемлемого уровня. Как следствие, жизнь вмиг преподнесла мне поездку в Париж, бельгийского *petit ami*, а также жизнерадостную и очень говорливую французскую квартирантку.

Впрочем, начну с последней. Иногда мне кажется, ничего не случилось бы, если бы не она.

Когда приходит время навести порядок в своей душевной жизни, наводя мосты с эфемерными призраками (моего ли?) прошлого, жизнь обязательно приподнесет встречу с нужным человеком. Только сделает это в такой момент, когда все мысли будут заняты вовсе не духовными поисками.

Сбережений мне должно было хватить на год, поэтому я решила не работать, а прожить этот год в свое удовольствие, собирая по крупицам те части себя, которые мне были пока неизвестны. Для подстраховки я решила, что буду сдавать одну из комнат в своей огромной центральной квартире.

Объявление об аренде я разместила в одной из групп в фейсбуке, где обитали иностранцы и экспаты: мое меркантильное решение было основано на том, что иностранная квартирантка заплатит мне больше.

Не прошло и нескольких дней, как ко мне позвонила девушка по имени Кристин. На ломанном английском (с французским акцентом, который я сразу узнала!), она попросила о встрече, объяснив это тем, что сейчас снимает комнату, но она ей не подходит.

– Конечно. Давайте встретимся. – отчеканила я. – Я очень рада, что вы мне позвонили. И, пожалуйста, говорите по-французски, я как раз изучаю.

Такий близкий мне эмоционально французский язык, к своему стыду, я так и не выучила: во время учебы школе обязателен был только один иностранный язык – английский. В университете также пришлось учить английский, тем не менее попыток выучить французский было несколько. Сейчас я с некоторой завистью смотрю на студентов легко меняющих страны по программе Erasmus, а мне в начале 2000-х приходилось об этом только мечтать. Несколько месяцев я брала частные уроки перед тем как подать документы на одну из редких программ студенческого обмена. По результатам тестов я не прошла, потому уроки брать прекратила, но еще какое-то время занималась по книгам и учебникам. Я выучилась читать и писать по-французски, а вот налаживать навыки общения было не с кем. Без поездки во Францию моя мотивация учить язык куда-то испарилась.

В марте 2012 года перед туристической поездкой в Бельгию я вытащила свой учебник, а также начала слушать курсы онлайн, отметив для себя, что со студенческих лет методы обучения существенно изменились. В Бельгии я в основном говорила по-английски, но твердо пообещала себе, что когда попаду в Париж, то обязательно заговорю по-французски! Как бы

наивно это ни звучало, это обещание стало и несбыточной мечтой, и бескомпромиссной целью одновременно.

По случаю встречи с француженкой я одела винтажный плащ, купленный несколькими неделями ранее в Париже на блошином рынке. В этом виде я себе нравилась, что-то мне подсказывало, что я хочу выглядеть нарядно и торжественно, как *тогда*, в моем черно-белом сне.

Я строго оглядела себя в зеркало. Пусть мне и исполнилось тридцать лет, в многочисленных поездках я беззаботно пересекала европейские улицы в кроссовках и джинсах, не раз ловя на себе заинтересованные взгляды юных и молодых людей. Это давало мне надежду на то, что я выгляжу моложе своих лет. Игривая челка, ласково спадающие на плечи светлые волосы и блеск в глазах лишь закреплял эффект неугасающей юности в моем облике.

Отправляясь на встречу в решительном настроении, я еще не подозревала, что в моей жизни начинается период, который станет концентратом многолетних предчувствий, стремлений и продолжением странных снов. Период, который напоминал картинку сложенного кропотливым трудом паззла.

Позже, уже став подругами, мы с Кристин обговаривали нашу первую встречу, сойдясь во мнении, что согласились на дальнейшее общение следуя явному внутреннему сигналу. У обеих фоном установилось ощущение того, что мы уже когда-то встречались и были знакомы долгое время. Я думаю, такая размытая, но живописная как на полотнах импрессионистов яркость – это индикатор именно знаковых встреч или событий, которые оставляют неизгладимый отпечаток на последующей жизни.

Я стояла возле ворот одного из парков, где я собиралась дожидаться Кристин, но она все не приходила. Потому я набрала ранее высветившийся номер и попыталась сказать что-то на французском, кроме *bonjour*.

– Привет, я Кристин, – неожиданно произнесла девушка, вынырнувшая из недр парка, словно ниоткуда.

– Рита, приятно познакомиться! – и мы расцеловали друг друга в щеку два раза по французскому обычаю, отчего Кристин просияла.

– Маргарита? – переспросила девушка. – Какое отличное имя! Можно я буду звать тебя Марго?

– Меня все зовут Рита, – рассмеялась я. – Но как только я услышала имя Марго, оно мне сразу пришлось по вкусу!

– О, просто у меня такая привычка – всем придумывать прозвище! Хотя часто это выходит случайно, – во весь голос рассмеялась эта яркая и жизнерадостная девушка.

– Надо же! Я как раз искала себе псевдоним. Дело в том, что пока я не работаю, но попробую свои силы в написании сценария.

– О, я всегда отлично уживалась с творческими личностями! Какая тема фильма?

– Это пока открытый вопрос. Единственное, что я знаю, что действие будет в Париже в 40—50 годах.

– У меня такое ощущение, что я уже вижу этот фильм. Он черно-белый, правда?

– Скорее в размытых тонах, там много настроения. Что-то тяжелое и непростое скрыто под завесой неопределенности. Но ты права, черно-белый можно использовать для того, чтобы придать эффект драматизма. – раздумывала над антуражем я. – Только есть одна проблема.

– Какая?

– Я понятия не имею, какой должен быть сюжет!

Кристин рассмеялась:

– Поверь мне, жизнь скоро даст тебе подсказку! А я мастер создавать события вокруг себя! – засмеялась Кристин, и ее голос мне показался до боли знакомым.

Мне показалось, что Кристин смеется всегда, по крайней мере она улыбалась и смеялась каждую минуту нашей встречи. Милovidные ямочки на щеках были самой заметной чертой

ее лица, а если учесть, что в хорошем расположении духа Кристин бывала часто, они нередко появлялись, придавая ее облику живость, детскую радость и непосредственность.

Всю погоду миловидности Кристин делала светлая кожа, отсвеченная ярко-синими глазами, оттененные каштановым цветом короткого каре – типичной прически француенок (как я всегда их представляла). Неподдельно доброжелательный теплый взгляд придавал ее внешности шарм и непринужденность.

Из-за невысокого роста Кристин можно было принять за юную девушку, но присмотревшись внимательней, в ее взгляде и облике явно просвечивались ум и зрелость. Эту зрелость и некую жизненную мудрость я уловила буквально с первых фраз, которыми мы обменялись.

Хотя на самом деле большую часть времени говорила Кристин. Она выдавала тысячи единиц информации в минуту, но в отличие от поведения других людей, меня это не раздражало. Дело в том, что Кристин распространяла вибрации радости, что моментально располагало к ней людей совершенно разных типажей и характеров.

– Я снимаю комнату у родственников своих украинских знакомых, – зашебетала Кристин, – это пара уже довольно пожилого возраста. Условия у них неплохие, они занимают половину дома с садом, там тихо и спокойно. Но, во-первых, туда надо добираться полчаса на трамвае из центра. Во-вторых, несмотря на то, что они ко мне очень хорошо относятся, у меня есть ряд ограничений. Например, я не могу возвращаться домой позже десяти вечера!

Я оторопела:

– Не может быть!

Кристин продолжала возмущаться, драматично жестикулируя руками:

– Во Франции я уже лет десять живу самостоятельно и отвыкла от того, что за мной может вестись такой контроль. Свою хозяйку я называю *ma maman ukrainienne*. Так вот, если я задерживаюсь, я обязана звонить *maman ukrainienne*.

– Как же вы общаетесь? – задала я закономерный вопрос.

– Она учила немецкий в школе и знает только его. Для меня это второй иностранный. Кое-как выходим из положения.

– Теперь понятно, почему ты ищешь другое жилье.

– Да, но дело в том, что смогу это сделать только с ноября месяца. Я была обязана им заплатить за два месяца вперед.

Честно говоря, я даже обрадовалась, так как не была готова к таким быстрым переменам:

– Вот и отлично! Я и не думала, что сдам комнату так быстро. Поэтому мне придется ее освободить от множества ненужных вещей.

Кристин продолжала:

– Я уже месяц живу во Львове! Приехала на полгода или больше для написания исследования для кандидатской. Когда у тебя будет время, я все расскажу. Возможно, мне также понадобится твоя помощь как местного жителя!

От этого разговора у меня потеплело на душе:

– Ты не представляешь, как вовремя ты появилась! Откуда тебя принесло, словно волшебством? Я решила пока не искать работу, а посвятить себя поиску дела, которое люблю. У меня есть время! Я учу французский, поэтому хотела тебя попросить об услуге.

– Да, конечно! В конце концов, мы скоро будем жить вместе!

– Ты не против, по возможности, встречаться раз в неделю и говорить со мной по-французски? В обмен я всегда помогу тебе с русским, украинским и даже английским. Впрочем, я помогу во всем, что тебе необходимо.

Кристин согласилась. Я не могу объяснить, как я обрадовалась этим встречам. Особенностью общения с Кристин было то, что она говорила очень быстро, выпуская целые потоки слов, тараторила, часто меняла темы, позже сама с себя смеялась, заражая и меня:

– Я приехала в конце августа. Меня встретили в аэропорту, это был зять та татап ukrainienne, он совсем немного говорил по-французски. Он был со своими детьми и первая вещь, которую я отметила – это то, что маленькая девочка подарила мне букет цветов. Это был такой милый и трогательный жест!

– Какая прелесть! Здесь есть такая милая традиция, – ответила я.

– И вторая деталь, которую я заметила. Когда я хотела их расцеловать два раза по французскому обычаю, они были немного смущены и обескуражены. Мы делаем так во Франции, и я не знала, что здесь люди не целуют друг друга при встрече.

Кристин была похожа на театр одного актера, потому что уже через минуту показывала сценку из жизни: она пытается поцеловать в щеку знакомого, а он упирается и пятится назад. Для ее эмоциональности такое поведение казалось отвращением, хотя все дело было в том, что мы просто не целуем друг друга при встрече.

Все во внешности Дельфин, ее характере, манере мыслить и рассуждать не совпадало с моим. Я была интровертом, она же – чистым экстравертом, я выдавала только необходимую, но важную для общения информацию – Кристин же щебетала про все на свете:

– ... а вечером мы поехали на день рождения родственника татап, который приезжал меня встречать. Под конец я была абсолютно пьяна, мне все говорили: давай, пей, это украинский день рождения, поэтому я выпила много водки! Я не могла говорить «нет» прямо, потому я подумала: боже мой, если так будет всегда... Потому все во Франции мне говорили: в Украине ты станешь алкоголиком. И я подумала: если так будет продолжаться постоянно, я умру. Но вообще-то, совсем нет. И после этого...

Именно способность Кристин говорить быстро и много позволила мне уже через несколько недель понимать на слух то, что раньше я могла только прочесть или написать. Ко всему прочему, ко мне приклеилось новое имя Марго. И хоть имя Рита существует во французском языке, по мнению Кристин, оно мне не подходило.

– Ты же королева в своем дворце! Королева Марго!

— — —

Я искренне завидую людям, которые умеют создавать красивые описания. Это ко мне не относится, потому все, что я могу сказать о своей квартире, – это то, что она была несемитричной и несовременной.

После смерти бабушки в моем распоряжении остались две огромные комнаты в старинном центральном здании. Я переехала туда от родителей еще студенткой, чтобы не тратить время на дорогу в университет. С тех пор жизнь в в ретро достопримечательности центрального Львова стала фетишем. Кто-то скажет, что я выросла в тепличных условиях, и, возможно будет прав. Но я знала одно: до двадцати девяти лет я никогда не ценила эксклюзивности своего жилья.

Говорят, что жизнь со старыми людьми забирает огромное количество энергии. Могу подтвердить на собственном опыте, плюс те, кто знает привычки старших людей загромождать пространство ненужными вещами и рухлядью, меня поймет. Я, несомненно, имела свою комнату, но очень часто чувствовала себя чужой в этом помещении.

После смерти бабушки я месяца два боялась входить в ее комнату, мне было там холодно и жутко. До этого момента, я, в принципе, никогда не жила одна.

Когда же мысль о сценарии впервые возникла в моей голове, я придумала для себя небольшую игру – находить вещи, которые мне помогли бы мне воссоздать антураж пятидесятих годов. Как я сказала, в квартире, было невероятное количество вещей, часть которых подлежала выбросу. Но среди несистематично сложенных коробок в кладовке я стала находить

милые вещицы, как вот помады, пудреницу, круглую винтажную сумку, туфли на платформах. Я представляла, как могла выглядеть розетка, телефон, фотоаппарат той эпохи.

Постепенно я чувствовала, что энергетика этой квартиры, наполненная предчувствием нового фильма и будущей работы над сценарием, начала вбирать в себя совсем другие флюиды, предлагая взамен некое новое качество жизни в ней.

Всю эту историю новой жизни вещей и их роли в моем новом увлечении я рассказывала Кристин на пути в мою ретро достопримечательность.

– Отличное увлечение! – отозвалась Дельфин. – Только насколько я понимаю, вещи во Франции и в СССР 50-х годов могли существенно отличаться?

– Совершенно верно. Но это не конец истории. Две недели назад я приехала из Парижа, где была с своим молодым человеком. У меня есть минимум тысяча фотографий старых вещей и фотографий из личного архива того времени!

– Как тебе это удалось?

– Я с детства мечтала попасть в Париж, но до определенного времени мне не позволяли финансы. Но однажды к моей коллеге по работе приехала троюродный брат из Парижа – Шарль. У этой парня бабушка выехала из Западной Украины во Францию еще до войны. Я спросила смогу ли погостить у них несколько дней, и Шарль согласился. Он пригласил меня в гости, его бабушка до сих пор жива и имеет огромную квартиру на Монмартре.

– Ты понравилась этому парню? Вы встречаетесь? – накинулась с расспросами Кристин.

– Да нет, что ты! Он очень молодой, ему всего двадцать два. Он учится и работает в Париже. И приехав сюда, Шарль быстро понял, что большинству украинцев поездка в Париж не по карману, потому деликатно дал понять, что готов принимать новых знакомых у себя в гостях.

Когда в мою старинную квартиру ступила Кристин, я знала, что она останется. Без сомнения, квартира в стиле ретро ей понравилась.

– Я никогда не жила в таких огромных центральных помещениях! – не могла сдержать удивления Кристин. – Во Франции я всегда жила в небольших тесных квартирках или студиях.

– Пришло время что-то менять! – усмехнулась я.

Кристин потрогала старую изразцовую печь, словно это был музейный экспонат:

– Там, откуда я родом, только очень богатые люди живут в таких квартирах или люди из высшего класса – юристы, врачи, руководители. Тебе очень повезло получить в наследство такой непривычный вариант квартиры. А мне очень повезло, что ты сдаешь в ней комнату!

Там, откуда я была родом, такого понятия как высший или средний класс не существовало, по крайней мере в классическом европейском понимании. Конечно, были разные прослойки общества, и сравнивая наше происхождение и сходный опыт, то мы обе с Кристин были выходцами из небогатого среднего класса. Обе пробивали себе путь в большую жизнь хорошим образованием, которое получили без сторонней помощи. Мы обе выбрали гуманитарные науки, я – психологию, Кристин – социологию. Только разве после учебы я дальше пробивала себе дорогу работая менеджером по продажам, а Кристин решила пробовать себя в науке и начала писать исследовательскую работу. И если Кристин во Франции не могла себе представить жизни в квартире такого размера, то в Украине я не могла себе представить такой размер стипендии, которую она получала за написание своей кандидатской.

– В каком жанре будет твой фильм? Опиши детали, даже если еще не знаешь, как построить сюжет, – продолжала свои расспросы Кристин.

– Наверное, драма. Про хитросплетение судеб и невозможность быть с другим человеком по причине социальных условностей, а, может, и расстояния.

– То есть судьба разделяет героев?

– Скорее обстоятельства.

– Действительно драматично. Мне еще предстоит изучить этот феномен здесь в Украине. Мне кажется, что тут люди слишком полагаются на обстоятельства. Во Франции, я и окружение моих сверстников достаточно проактивны. Мы считаем, что полностью ответственны за свое настоящее и будущее.

– Мне только предстоит реализовать эту идею проактивности. Не то, чтобы я раньше за себя не отвечала. Просто работа менеджера по продажам не приносила столько удовольствия. Зато когда я думаю о сценарии фильма, внутри словно загорается какая-то лампочка.

И не дав ответить своей новой знакомой, я побежала в другую комнату, вернувшись с фотоальбомом, стилизованным под старинную книжку.

Я показала фотографию: дама в шляпе и с мундштуком сидит на кресле возле старинного рояля.

– Это ты? – вскрикнула Кристин, что я даже немного испугалась. – Нет, не ты. Это кто-то из твоих родственников, так?

Я воскликнула:

– Кристин, это я! С недавних пор мое увлечение – это фотосесии стилизованные под некую эпоху. Я начала ими увлекаться здесь во Львове, но и в Париже мне удалось сделать несколько фотографий в старинной квартире бабушки Шарля. А винтажные вещи я нашла на блошином рынке.

– Невероятно! Ты действительно увлечена Францией!

– Ты сочтешь меня сумасшедшей, но когда я смотрю на эти фотографии, мне кажется, что я действительно могла жить в ту эпоху. Как ты отнесешься к тому, если я скажу тебе, что верю в реинкарнацию?

– Я ученый, потому считаю, что оснований верить в реинкарнацию нет. Но твой ход мыслей полностью поглощен сценарием, стилистикой и атмосферой тех годов, потому твой мозг находит происходящему единственное объяснение.

Я предполагала, что не всем собеседникам понравится моя идея о реинкарнации, потому решила ограничить разговор одеждой людей из полюбившейся эпохи:

– Думаю, мне просто нравится жить в своеобразном мире, сотканном из убеждений о том, что все люди красивы и благородны. В нем мужчины должны ходить в пиджаках и шляпах, а женщины – в женственных платьях, завивать локоны, носить драгоценности и хороший макияж. У меня была тенденция одеваться немного старомодно, иметь хорошую бижутерию, косметику. Позже эту привычку я оставила для особых случаев, поменяв ретро вещи на джинсы и кроссовки, которых, по словам друзей, я выгляжу намного моложе своего возраста.

– Я поняла! Это называется вдохновение. Каждый человек черпает его из своих источников. Кто-то путешествует, кто-то любит пойти в дорогой ресторан, а тебе нравится одеваться в стилистике того или иного времени.

– Да, именно так!

– Я знаю, что мы можем сделать, – загорелась идеей Кристин, – когда-то в студенческие годы я работала в кинопрокате. Я составлю тебе небольшой список фильмов из 50-х. Начни с этого десятилетия, всматривайся не только в аксессуары и дизайн интерьеров, а в смысл диалогов, погружайся в социальные проблемы того времени. Так ты найдешь тот месседж, то послание, которое тебе хочется передать своим будущим зрителям.

– Идея просто шикарная! Так и поступлю! Ведь я действительно пока что не могу найти рационального объяснения тому, почему сюжет будет развиваться именно в это время.

– Я спрашиваю своих друзей, пусть они дадут мне несколько советов. А когда мы будем жить вместе, то сможем смотреть эти фильмы вместе и обсуждать будущий сюжет. Идея обязательно найдется!

– Я уже не могу дождаться! – все, что ни говорила Кристин казалось мне интересным и веселым, а наше совместное проживание виделось в радужных тонах. На правах автора, могу сказать, что так и получилось.

Я была несказанно рада тому, что наконец вхожу в какие-то двери, которые раньше были для меня закрыты. Даже не так: они всегда были открыты, но из-за других приоритетов в жизни я их не замечала. А еще я чувствовала, что некие привычные и знакомые образы начали распаковываться и заполнять новым смыслом мою жизнь.

ГЛАВА 2

Черно-белые сны

Bonjour, меня зовут Шарлотта и теперь я часто буду появляться в твоих снах.

Моими родителями были француз и англичанка. Он – торговец, она – выходка из некогда богатого аристократического рода. В одно из десятилетий XX века мы все еще сохраняли условности аристократического мира, которые так были дороги. В нашем парижском особняке жила прислуга, были комнаты для гостей, салон с камином и пианино. Мы все спускались к завтраку и ужину, а также выезжали в город при параде. В детстве я думала, что так будет всегда.

Два языка – английский и французский стали нормой в нашей семье. Воспитание мне дали вполне строгое – также дань происхождению моей матери и правилам ее жизни.

Соответственно, по настоянию матери меня готовили к учебе в Англии, в колледж, где я должна была стать преподавателем английского языка и литературы.

Моя жизнь в Париже в 30-х годах не отличалась ранообразием: учеба и еще раз учеба. До того как отправиться в английский колледж я провела год в Париже, чтобы заниматься с преподавателем английского. Свободного времени у меня появилось больше, правда, друзей от этого не прибавилось.

Однажды я попала на показ одного довоенного дома мод. Я была ошеломлена красотой нарядов и очарованием женщин, презентовавших их.

К своему удивлению, попав на собеседование, меня приняли в ряды моделей. Кутюрье отметил мои аристократические черты и умение держать себя на публике с особым шармом, не присущим более энергичным представительницам этой профессии.

Мои родители были не в восторге и даже хотели запретить мне ходить на дефиле. Но мода того времени была настолько целомудренной, а показы собирали такое количество бомонда, что они сами стали искать повод прийти на показ для расширения круга знакомств. К тому же они лелеяли надежду найти мне таким образом видного жениха.

ДРУЗЬЯ И PETITS AMIS

Теперь меня зовут Марго. Я зависима, а моим новым наркотиком стали культурные отличия людей из разных стран. Изучение межкультурных особенностей – это оригинально и экзотично, к тому же дает возможность оценить с другой перспективы свое происхождение, национальность и культуру.

К тридцати годам я почувствовала острую потребность в свежем коктейле взбитом из новых впечатлений и культур. У меня не было негативных убеждений насчет своей страны, мне вполне нравилось тут жить. Просто пришло время развиваться, впитывать в себя что-то новое, а моя предыдущая работа, круг друзей вели меня по накатанным рельсам, а мой мир стал только однообразной картинкой за окном. Когда наступает чувство пресыщенности и бега по кругу, не перестает покидать ощущение, что ничего нового в твоей жизни больше не произойдет, а это страшно.

У меня есть несколько объяснений своему пресыщению. Я говорила о том, что во время учебы в университете я тщетно хотела попробовать свои силы за границей, зато студенты младше меня всего на 5—6 лет ездили в европейские университеты по программе Erasmus без проблем. Для современных студентов – это нормальное положение дел, так как появилось

больше возможностей путешествовать по миру в рамках обучающих программ с обязательным погружением в интернациональную среду.

Год 2012 наполнил меня интересными событиями и дал надежду на новое будущее, но вспоминая свои юные и ранние молодые годы, я не могла похвастаться тем же. Школа была скучной обязанностью, в университете приходилось тяжело учиться. Моя жизнь не была лишена радостей, но и особых потрясений и эмоциональных всплесков в ней не происходило. Мои друзья считали меня грустной и немного надменной, но все же ценили за преданность и умение слушать. У меня был парень, но после разрыва с ним, я четыре года я ни с кем не встречалась. Из-за утомительной в плане общения работы, многие вечера я проводила дома, изредка в кинотеатре или на выставке в одиночестве.

Во всем этом почти не было меня.

Теперь же я фанатично искала новый круг общения. Если вы были одинокой женщиной тридцати лет, то знаете про этот замкнутый круг: сверстники и друзья юности уже сыграли свадьбу, у некоторых появились дети, и, как следствие, – новые приоритеты. У тебя вроде и есть проверенные временем и обстоятельствами друзья, но со временем меняешься ты сама, а хорошо знакомые люди перестают восприниматься как исключительное и эксклюзивное знакомство. На данный момент я искала друзей, общение с которыми повлияло бы на мое развитие. Похоже, я их нашла.

Кристин была исключительным и эксклюзивным знакомством. Как оказалось, в первый месяц после приезда она времени зря не теряла, а активно наводила связи, в чем превзошла меня, ведь мои знакомства обновлялись не так часто.

То, что окружающие искали встреч и дружбы с нами, я объясняю прорывной энергетикой Кристин, любовью к жизни и людям. Она словно обладала сверхсилой – люди пытались подружиться с ней буквально с первых минут разговора. Впрочем, некоторым образом это объяснялось популярностью французской культурой в моей стране.

Что касается Кристин и ее познания Украины, то она интересовалась политическими и социально-экономическими вопросами намного больше, чем культурными. За все время пребывания Кристин в Украине мы вряд ли попали на выставку или презентацию. Зато обычные люди, их образ жизни и особенности интересовали ее намного больше, чем историческое наследие или культурные мероприятия.

Про свою жизнь во Франции Кристин часто отзывалась нелестно. Тогда я еще не знала, что французы очень любят жаловаться и критиковать – сказала моя мечтательная способность видеть эту страну и ее жителей из своего романтического кокона. Новая подруга поспешила развенчать этот миф:

– Поверь мне, если бы ты жила во Франции, то первое, от чего у тебя встали бы волосы дыбом – это бюрократия. Для получения любой справки нужно пройти десятки инстанций, а справки нужны для всего – от учебы до съема квартиры.

– У нас такая же ситуация, только очень часто за получение нужных документов иногда еще и приходится платить, – отвечала я.

– Согласна. Мне сложно было оформить разрешение для получения визы, даже запрос из университета не помог. Поэтому мне открыли визу для прохождения языковых курсов для поступления в университет. Другого выхода я не видела, а платить взятки я не привыкла.

Кристин не ждала, а создавала события вокруг себя, а благодаря ее харизме люди притягивались как мотыльки на свет. Ее новой идеей было собрать и проводить клуб разговорного французского языка. Однажды Кристин попала в общество французов-экспатов, живущих во Львове, и осталась недовольна формальностью и узостью круга общения.

– Я думала, ты ищешь новые знакомства? – прокомментировала я.

– Ищу! Поэтому организую свой собственный франкоязычный клуб! Пропуском станет знание французского языка, а не национальность!

Так и произошло. На первую встречу созданного ей франкоязычного клуба, Кристин, конечно же, пригласила меня. Наш столик в любимом кафе с абажуром начали заполнять самые разномастные люди. Встреча клуба, возможно, и выглядела как обычные посиделки в кафе, но до обыденности в тот вечер было далеко. Очевидно, что большинство присутствующих составляли украинцы, которые изучали французский как первый или второй язык. Кристин была очень внимательна к посетителям, улыбалась, мягко и очень корректно исправляла ошибки и произношение. Часто она переходила на английский, чтобы объяснить более сложные слова или фразы. Все это создавало особую дружественную атмосферу, и я себя чувствовала великолепно. Вмиг я оказалась среди своих будущих друзей, в чьей компании мне следовало провести еще не один приятный вечер. Вряд ли в моей серой офисной жизни были такие моменты, которые по своей яркости и насыщенности были хоть немного схожи с атмосферой наших с Кристин первых недель знакомства.

После первой встречи клуба наш необычный тандем разбавил молодой ливанец, который буквально с первых дней преследовал Кристин по пятам. Он был красив как античный бог, высок и неплохо сложен. Я уже знала вкус Кристин по некоторым фильмам: ее идеалом был актер Луи Гаррель. Поэтому мне приходилось только удивляться некоторому сходству. Следуя за Кристин, которая любила давать прозвища окружающим, я решила, что отныне буду называть его Луи.

Луи на самом деле звали Алим, и как я узнала позже, это имя ему дал ему ливанский отец, а украинская мать научила читать кириллицу, позже он стал понимать разговорный русский. Выглядел он великолепно: роскошные длинные черные волосы, правильные черты греческой статуи. В такого можно было влюбиться только его внешности, но это впечатление держалось только до того момента, как Луи начинал говорить. Все в его манере поведения и общения напоминало подростка, который только окончил школу, почувствовав вкус свободы:

– Здесь женщины выглядят просто великолепно! – рассказывал Луи кому-то во время французского клуба. – Помню, когда я приехал, то в первый день чуть было не попал под машину, потому что был не в силах оторвать взгляд от такого количества красивых девушек!

Вид у Луи, рассказывавшего эту историю был довольно комичный, потому мы с Кристин не сдержали смех. Буквально с первой встречи нашего трио я поняла, что если дело будет продолжаться в том же духе, то скоро я надорву живот от смеха. С лица смуглокожего Луи почти никогда не сходила белоснежная «фирменная улыбка», как мы ее прозвали. Кристин же использовала чересчур живую и забавную мимику, когда хотела нас рассмешить. Это было похоже на театр пантомим и молодежную комедию одновременно.

Кристин и Луи были одноклассниками на языковых курсах, а так как они были одного возраста – двадцать шесть лет, то иметь дело с бывшими школьниками им было неинтересно. Правда, часто Кристин рассказывала комичные случаи о своих одноклассниках: эквадорская девушка была влюблена в корейского парня и называла его «Мой корейский Брэд Питт».

Кристин и Луи задавали домашние задания по грамматике, при этом каждый день они учили десяток новых слов. Оба сдавали мне на проверку домашние задания, я же исправляла ошибки и с серьезным видом объясняла правила. Напряжения это не вызывало, так как Луи постоянно разряжал ситуацию тем, что делал смешные ошибки в словах. Например, вместо куртки он хотел покупать курицу, или же корову вместо говядины. Мы с Кристин не переставали хохотать, и честно говоря, сначала думали, что он специально делает эти ошибки, чтобы нас развеселить.

Кристин и Луи стали хорошими друзьями, и я не возражала против его присутствия при проверках домашнего задания, впрочем, я часто настаивала на возможности видиться с Кристин с глазу на глаз, без Луи.

Позже наступала очередь Кристин объяснять нам сложности использования французских глаголов и артиклей. Луи знал французский со школы, мой же уровень оставлял желать

лучшего, потому подруге часто приходилось переходить на английский. Владела она им неплохо, но у меня постоянно вызывало непроизвольную улыбку ее смешное французское произношение:

– Dog liver! – объясняла нам подруга состав французского лакомства фуа-гра, совершенно не задумываясь о том, что «duck» (утка) в ее исполнении звучит как «dog» (собака). После моего объяснения мы снова дружно разразились хохотом, потому что никому не пришло бы в голову потреблять в пищу (о, ужас!) собачью печень.

В следующий раз встреча нашего хохочущего трио проходила у меня дома:

– Petit ourse! – радостно закричала Кристин, увидев моего красивого кота породы «шоттиш фолд». Эта фраза означала «маленький медведь». Надо сказать по имени она его никогда не называла за все восемь месяцев проживания со мной, а эта смешная кличка даже понравилась моему коту.

К слову, Кристин давала смешные прозвища не только коту – так я стала Марго, а Алим – Луи. А если для кого-то прозвища не находилось, то Кристин просто произносила имя человека с ударением на последний слог, например, МашА, СветланаА.

Луи, как и прежде, сыпал шутками, а его новая комичная ошибка «petite femme» стала фразой нашего внутреннего дружеского жаргона. Во французском есть слово «petite amie», которое означает «подружка», «девушка», но в интерпретации Луи это значило просто «маленькая женщина». Мы с Кристин, представляя Луи в обнимку с кем-то, кто в два раза ниже его, опять рахотались.

К концу встречи Кристин заявила, что недавно прочитала статью, где рекомендуется учить языки посредством музыки, таким образом изучая и запоминая слова песен. Потому в следующий раз после проверки мною домашнего задания, она предложила подготовить по песне, слова которой необходимо будет выучить. Луи заявил, что песню необязательно искать в YouTube, ведь он может принести свою гитару и сыграть.

Это были замечательное и беспечное время. Кто бы мог подумать, что еще недавно я страдала от одиночества, удивляясь своим эфемерным видениям и снам. Теперь же в моей свежесозданной реальности я пела французские песни под гитару с людьми, которых месяц назад я еще не знала.

В нашу следующую встречу Кристин принесла список французских и иностранных фильмов, которые она и ее друзья рекомендовали к просмотру для погружения в стилистику пятидесятых годов. Я не могла не порадоваться:

– Меня осенила отличная идея! Дни становятся холоднее и короче, поэтому предлагаю собираться у меня дома каждую субботу и смотреть по одному фильму из списка! Плед и горячий чай гарантирую!

– Мы – за! – прокричали мои новые друзья почти хором.

– Начнем в эту субботу. Перед показом можем что-то приготовить все вместе или по очереди.

Так как я стала инициатором первой встречи субботнего киноклуба, то предложила приготовить что-то традиционно украинское для новых друзей. Они, естественно, радостно согласились, но при этом заявили, что будут присутствовать при стряпне. По словам Кристин, любую страну отлично передает еда, а когда начинаешь готовить, то автоматически становишься приобщенным к новой культуре. Я раньше не разделяла такой приземленный взгляд на культуру – музыка, живопись и кино были мне намного ближе. Но Кристин и Луи в один голос заявили, что гастрокультурные вечера мне понравятся, потому что через неделю будет их очередь готовить, а они уж постараются, чтобы меня удивить.

Франкоязычный клуб, песни под гитару, интернациональные гостровечера, субботний киноклуб – все это было так непохоже на мою недавнюю жизнь. Как я уже упоминала, мой переход от студенческих лет к профессиональной жизни был безрадостным. Как человек, застав-

ший две эпохи – советскую и современную украинскую, мне довелось взрослеть и учиться в довольно однородной среде. Судя по диапазону моих интересов, период погружения в культурное разнообразие был мне необходим, и теперь я экстерном наверстывала его – в свои тридцать.

*Elle a dû faire toutes les guerres
Pour être si forte aujourd'hui
Elle a dû faire toutes les guerres
De la vie, et l'amour aussi*

Слова песни «Je l'aime a mourir» Франсиса Кабреля, не раз спетые нами под гитару, стали для нас с Кристин гимном празднования жизни – *новой жизни*, которая закрутила нас вихрем так быстро, словно карусель. Теперь я знала – стоило бороться за легкость, беззаботность и радость этой эпохи, которая только начиналась.

*Ей нужно было пройти сквозь войны,
Чтобы сегодня стать сильной такой
Ей нужно было пройти сквозь войны
Этой жизни, и даже любовь.*

ГЛАВА 3

Черно-белые сны

Мой первый выездной показ мод происходил в Брюсселе. В дороге без суеты бесконечных переодеваний я наконец разговорилась с Орелией, коллегой по показам и дефиле.

– Ты когда-то была в Брюсселе? – спросила она.

– Нет.

– И я нет. Не дождусь уже, здесь лучшее в Европе пиво!

– Я предпочитаю другие напитки, – хмыкнула я.

– Ты из этих, голубых кровей, что ли?

– Вполне возможно.

– А то я сразу по произношению не узнала. Я то сама иностранка. Ольга, но все в нашем доме мод зовут меня Орелия.

– Enchantée. Шарлотта. А откуда вы?

– Мои родители из России. Уехали сразу во время революции. Но я родилась уже тут, во Франции.

– Ничего. Я тоже наполовину англичанка.

Орелия хмыкнула:

– Тожже мне сравнила! Нас с тобой разделяют галактики. Но сегодня вечером мы уменьшим эту дистанцию в лучшем клубе столицы королевства Бельгия!

– А ты забавная!

– И ты. Не то что наши худосочные и вечно надутые коллеги по подиуму!

В Париже, кроме Орелии у меня не было других друзей. Родители сдержанно относились к моему новому знакомству, но нашей дружбе не препятствовали. Эпоха стремительно менялась, и наша дружба стала тому подтверждением.

Наши с Орелией интересы действительно были разными. Тогда когда я штудировала английскую грамматику, готовясь к поступлению, она говорила на жаргоне, ходила на анти-военные демонстрации, а также поддерживала движение за права женщин.

– Но ты же работаешь в модной индустрии! – не раз справедливо удивлялась я. – Здесь очень далеко от соблюдения прав женщин.

– Это такая же работа и она дает мне возможность жить безбедно и зарабатывать самой в отличие от многих женщин моего времени. Я всегда мечтала о том, что буду самостоятельной и буду принимать решения независимо от мнения остальных!

BRUXELLES, A VOTRE SERVICE

Словно волнами на берег сознания, черно-белые сны приносили осколки воспоминаний тех жизней, которыми я никогда не жила. Они были похожи на впечатления полученные кем-то другим, а я по чьей-то непредвиденной оплошности получила к ним доступ.

Я записывала эти сны, впечатления и воспоминания, если их можно так назвать. Правда в том, что я смело могла добавлять в них фантазию – эмоции и впечатления витали в воздухе, мне оставалось лишь придумать к какому событию их привязать, словно веревочку к воздушному змею.

Впрочем, несложно догадаться, что о них я вела речь, озвучивая Кристин идею сценария. Дело в том, что несмотря на хорошо работающее воображение, я ждала продолжения и давала развиваться нити событий в моих снах, не вмешиваясь в их естественный поток.

Единственная точность, выраженная снами, исчислялась десятилетиями. Я была наверняка уверена, что «воспоминания» о доме мод были из конца тридцатых-начала сороковых годов. Я даже купила книгу по истории моды для того, чтобы подтвердить свои догадки.

В следующий раз мы встретились с Кристин в парке, и, шурша ногами по золотистой листве, неспешно ступали по гравированным дорожкам. Львову идет осень, это его родное время года, плюс я всегда считала, что лучший способ узнать человека – это пройти с ним несколько километров, разговаривая на темы, которые сближают.

Кристин была до сих пор под впечатлением от посещения моей квартиры, и согласилась с тем, что если обставить ее винтажным инвентарем из парижской квартиры 50-х, различия никто не заметит.

– Раз ты загорелась такой идеей, – улыбнулась подруга, – мы можем организовать фотосессию. У тебя в квартире или в любом другом интерьере, который сможем найти. Я подумала, что также не против иметь несколько таких снимков, как у тебя.

– Я узнаю расписание фестиваля ретро автомобилей. Мы можем выбрать наряды из шкафа моей бабушки, а еще я знаю отличную винтажную барахолку. Если хочешь, можем туда сходить.

Но Кристин не захотела искать винтаж, ей не терпелось узнать про мою личную историю. Ранее я уже успела обмолвиться о том, что у меня есть молодой человек и что живет он за границей.

Правда, свои расспросы, она начала издали:

– Марго, я уже месяц в Украине и общаюсь с молодыми людьми своего возраста. У меня создалось впечатление, что все люди моего возраста уже женаты или замужем.

Я наморщилась:

– И не говори, это страшно раздражает. Особенно, когда в определенном возрасте задумываешься о семье – смотришь, а все парни твоего возраста уже заняты.

– Как ты собираешься решать эту проблему?

– Начну издали. У меня есть подруга Настя, она не упускает ни одной международной встречи, на которой мы с ней, собственно, и познакомились. Она уроженка Николаевской области, но переехала во Львов за лучшими перспективами. Сразу после нашего знакомства она побывала в Брюсселе по программе Erasmus. Когда я только начинала учить французский, Настя прокомментировала это так: «Наконец-то ты найдешь себе французского мужа». Я не могу объяснить, чем меня тогда зацепила и одновременно разозлила эта фраза. У меня не было цели любой ценой выйти замуж за иностранца.

– Во Франции я часто слышала, что мужчины ездят в Украину с целью найти себе девушку или жену. Прости, я не хочу никого обидеть. Мы все должны быть свободны в своем выборе. Наверное, если тебе нравится человек, то все равно, откуда он родом, – улыбнулась Кристин.

– Не то чтобы я совсем не рассматриваю для себя возможность выйти замуж в Европе, просто пока не вижу потребности уезжать. Я всегда чувствовала, что смогу уехать разве только следуя за человеком, а не из-за желания хорошего заработка или перспектив в карьере. Еще в юности я поняла, что душевный уют и спокойствие для меня гораздо важнее материальных благ. И они до сих пор для меня важны, несмотря на то, что я начала поддерживать романтические отношения с иностранцем.

– Рассказывай! Кто он? Где и как вы познакомились? – подруга не могла скрыть своего нетерпения.

– Все довольно обыденно. Я поехала к Насте в Брюссель. В компании общих друзей мы и познакомились с Мартином. Он бельгиец.

– Франкоязычный?

– Да, – запнулась я, – но дело в том, что на данный момент мы общаемся на английском. Ты готова слушать про мою поездку в Брюссель?

– Да, начинай.

Пожалуй, я смогла бы поместить завязку сюжета моего сценария в Брюссель. Из-за противоречивости архитектуры, света и тени, грязи и чистоты получилось бы прекрасное в своей непоследовательности начало будущей драмы.

Итак, до марта 2012 года я никогда не бывала во франкоязычной стране. Еще до появления черно-белых снов, мое сердце начинало трепетать лишь при мысли о том, что на улицах я буду слышать французскую речь, и кто знает, говорить по-французски. Забегая вперед, скажу, что этого не произошло из-за моего скудного словарного запаса. Тем не менее, значение, которое я придала этой поездке, полностью себя оправдало.

Брюссель меня недостаточно впечатлил по причине очень резких контрастов, к которым никак не мог привыкнуть мой глаз. Но вопреки первому впечатлению, большим сюрпризом для меня стали здания в стиле art nouveau, котрым я раньше не интересовалась, но после поездки в Брюссель по уши влюбилась в эти образцы музыки в камне.

Но как бы ни были красивы эти кварталы, другие улочки и районы не казались столь привлекательными. Я, неотесанный турист, впервые находилась в городе, в котором представителей других рас и культур встречала чаще, чем самих местных жителей. За все разы, что я впоследствии побывала в Брюсселе, я сделала для себя вывод, что это город, требующий особого подхода и понимания. У каждого свой вкус, но я так бы и не ощутила привлекательности этого города, если бы не ночная жизнь.

В один из вечеров мы с Настей отправились на вечеринку студентов Erasmus и всех, кто желал к ним присоединиться.

Дело в том, что я даже и не помню, как начался мой разговор с новой компанией – кружка превосходного бельгийского пива решала вопрос с допуском в группу незнакомцев, позволяя раствориться в шумном карнавале беззаботных людей. Я застала себе втянутой в дискуссию про Восточную Европу (ненавижу это слово), а позже перервалась на разговор с бельгийцем Мартином, который начал расспрашивать об Украине и извиняться, что многого о ней не знает.

Я не удивилась:

– Это скорее правило, чем исключение. Немного неприятное для меня, но извиняться совершенно незачем.

Мартин пришел на встречу со своими друзьями: с полячкой Евой он познакомился чуть ранее также на встрече Erasmus, а она привела их общего друга – бельгийца Сэма. Сэм сразу же заявил что мечтает попасть в Украину и что собирается это сделать при первой же возможности.

Днем раньше Настя предупредила меня, что уйдет с вечеринки пораньше – на свидание. Я спросила у своих новых знакомых, как выйти к остановке автобуса или метро. К моему удивлению, троица пригласила меня в другой бар. Им было интересно со мной общаться, я была для них диковинкой, а еще их впечатлила моя ода брюссельской архитектуре.

С Евой мы сразу понравились друг другу, наверное, из-за схожих традиций общения соседних стран. Сэм постоянно инициировал новый разговор или спор, а Мартин почти все время молчал, хоть и слушал нас внимательно.

Кстати, это та черта, которую мне удалось сразу уловить буквально с первых минут пребывания в этой стране: бельгийцы неохотно пускают других людей в свой собственный мир, ценят границы своего пространства и очень не любят, когда их нарушают. Поэтому наилучший способ понравиться бельгийцу – показать уважение к его границам.

Мартин был спокойным и вдумчивым бельгийцем тридцати одного года. Что-то в его внешности выдавало восточные корни, а когда на вечеринке к нему какой-то парень обратился по-арабски, тот сказал, что не понимает. Конечно, о корнях я его не спрашивала, ведь столица

Бельгии – это своеобразная смесь культур и национальностей, при этом невероятно свободная, где любое происхождение значит только то, что ты – человек и гражданин мира.

Я я впервые увидела и почувствовала ночную атмосферу этого шумного европейского города, войдя в помещение со свисающими словно в театре балконами. Первый ярус также пестрел разнообразием, и кроме традиционных столиков и светящейся барной стойки по всей территории можно было увидеть аквариум, выставку фотографий, декор смешанных цветов и стилей.

Дома я редко хожу в ночные клубы, максимум раз в год, и то с большой неохотой. Здесь же я с удовольствием оглядывалась, замечая отличия между знакомыми мне заведениями и шикарным, но сохраняющим непринужденную молодежную обстановку, брюссельским клубом. Я же впервые оказалась в достаточно большой компании иностранцев, где главный интерес был прикован ко мне, словно я некая экзотическая диковинка.

В моем городе городе вряд ли люди определенного возраста назначают встречу в субботу с друзьями именно в ночном клубе. Другу Мартина, Сэму было уже за сорок, но смотрелся он совершенно гармонично в этом антураже. Кроме запоминающейся внешности, главной отличительной чертой которой являлась гладко выбритая лысина, придававшая его облику некое сумасбродство, Сэм обладал живым умом и энергичностью, которой позавидовали бы немало молодых людей. Сэм без остановки говорил о том, что очень хотел бы проехаться на машине по Украине, обязательно заехав во Львов, Одессу и Киев.

– Ты видишь, – важно, но с улыбкой вещал Сэм с другой стороны стола, перекрикивая громкую музыку, – я знаю, как минимум три города в Украине. А что ты знаешь о Бельгии? Можешь ли ты назвать хотя бы еще два города в Бельгии, кроме Брюсселя?

– Я проезжала Льеж на автобусе из Кельна, – невозмутимо ответила я, не моргнув глазом.

– Очень хорошо, – тоном экзаменатора продолжал мой новый бельгийский знакомый, – давай еще один.

– А ты строгий! – попыталась отшутиться я.

– Сэм, не начинай! – Мартин попытался отшутиться. – Рита, он бывает совершенно невозможным, пожалуйста, не обращай на него внимания!

Весь вечер Мартин вел себя очень спокойно, как будто безучастно, но в это же время внимательно следил за развитием ситуации, плавно и корректно направляя некоторые разговоры в нужное русло.

– Смелее! Еще один город! – Сэм был неумолим.

– Антверпен? – честно говоря, я назвала этот город с вопросительной интонацией, так как всегда путала его с Роттердамом в Нидерландах.

– Bravo! – мой лысый экзаменатор сразу же смягчился, и я поняла, что предварительный экзамен успешно сдан.

– Брюгге, как ты могла забыть про Брюгге? Все же знают фильм «Залечь на дно в Брюгге»! – вещал неутомимый бельгиец.

– Я не смотрела, но теперь сделаю это обязательно! – Действительно, впоследствии я посмотрела этот фильм перед поездкой в Брюгге, но это случилось гораздо позже.

Наконец, к нашему разговору присоединилась Ева, она была решительно настроена пойти танцевать в другой клуб, где ее ждали друзья. Я же нисколько не возражала, тем более что камерная обстановка первого ночного клуба с его огромными пространствами теперь заставляла искать более шумное место для продолжения вечера.

Диско-бар «Джава» был не очень большим, размером со средний ресторан, но к полуночи уже успел вместить в себя не меньше сотни человек, танцевавших под музыку девяностых-двухтысячных. Выбор музыки мне сразу понравился, так как мне были знакомы многие хиты того времени, а за последние лет десять я совершенно не следила за новыми музыкальными достижениями.

Самый старший из нас, неутомимый Сэм сразу же начал пританцовывать, хотя другие стояли в стороне, тщетно пытаясь найти, куда бы присесть. В конечном итоге, Мартин отправился к барной стойке за пивом, я же начала пританцовывать, все больше и больше входя в резонанс с этим местом и обстановкой. Такого восторга я не испытывала давно – классная музыка, приятный люди, современный европейский город, куда еще несколько месяцев назад я и не мечтала попасть. Я постоянно искала глазами Мартина, пытаюсь понять, смотрит ли он на меня или нет, впрочем, ответ на этот вопрос я и так знала.

Мартин вернулся с пивом и с удивлением обнаружил нас четверых, танцующих, правда, Ева с друзьями неуверенно приплясывали, а мы с Сэмом уже всюду двигались в ритме какой-то латиноамериканской мелодии.

Надо сказать, что Мартин с Сэмом были чуть ли не единственными бельгийцами в этом многонациональном Вавилоне, казалось, что вокруг в одном ритме танцуют люди совершенно разных национальностей, и это придавало особенный шарм той ночи. Так как моя страна не особенно привлекательна для эмигрантов, я ни разу не видела столько людей разных национальностей, собранных в одном месте. И если еще днем меня с непривычки шокировали, к примеру, африканские кварталы Брюсселя, то ночью я с особенным удовольствием отмечала с каким пылом и энергией танцуют те же африканцы или латиноамериканцы.

Я и сама от себя не ожидала такой прыти и энергичности, чтобы не останавливаться три часа подряд, при этом танцевала я, по-видимому, хорошо, о чем свидетельствовали взгляды мужчин не только нашей компании, но и соседних. Я, однозначно, была звездой этого вечера, чем не могла не наслаждаться. К концу вечера Мартин также начал танцевать, видно было, что это непривычное для него занятие, просто этой ночью она попал под влияние нашего веселой группы.

Сэм направился к барной стойке:

– Вам еще по пиву?

– Да! – хором ответили мы с Мартином и Евой. Я не могла отказаться от замечательного бельгийского пива. Но Сэм вернулся с колой:

– Завтра утром скажете мне спасибо! – однозначно, этот лысый весельчак нравился мне с каждой минутой все больше и больше.

Но моим вниманием полностью овладел его менее темпераментный друг, хотя Мартин ни на секунду не показывал, что просиходит что-то важное. Но я уверена, что этот бесшабашный вечер внес каплю неясности и смуты в понимание уклада его размеренной жизни. Я просто ошеломила его, привнеся в его жизнь невиданные до этого хаотичность и стихийность.

Вернувшись во Львов, я написала Мартину электронное письмо, еще раз поблагодарив за отличный вечер, а особенно за время, которое мы провели с друзьями. Он ответил в вежливой и сдержанной манере, так свойственной его поведению, потому без никаких видимых на то причин, наша переписка прекратилась, не успев, впрочем, и начаться.

Думаю, все бы и закончилось таким образом, если бы через некоторое время мне не попала в руки книга британской писательницы украинского происхождения Марины Левицкой. Об издании, переведенном на французский язык, рассказал Мартин, будучи уверенным, что это украинская писательница, потому спросил мое мнение о книге. Я честно призналась, что раньше о такой никогда не слышала.

Как я узнала позже, у писательницы действительно украинские корни, но родилась она Великобритании. Вся ее книга «Краткая история тракторов по-украински» основана на событиях из жизни выходцев из Украины в Англии. Сюжет прост: дедушка, отец семейства встречает немолодую украинку и на склоне лет собирается жениться, против чего, безусловно, выступает вся его семья.

«Прекрасно», – подумала я, – теперь Мартин думает, что в Украине живут охотницы за богатыми женихами или искатели фиктивных браков для получения гражданства!»

Через силу и скорее из любопытства, я продолжила читать эту неоднозначную книгу и очень скоро увлеклась ее незамысловатым, но от этого не менее захватывающим сюжетом и ироничной формой изложения. Дочитав до конца, я поняла, что книга мне понравилась, несмотря на противоречивость поднимаемых ею вопросов. Также я с удивлением обнаружила отеческую жалость автора к главной героине, и ни капли осуждения, а завуалированную таким странным образом симпатию.

Все это я написала Мартину в следующем сообщении примерно через месяц после поездки в Брюссель. Он ответил:

«В этой книге мне понравились исторические справки про Украину, но я бросил ее читать, так как местами она напоминала женский роман», – таков был его вердикт. Не скажу, что меня его ответ разочаровал: он имеет на это право да и вкусы у всех разные. На этом переписка снова оборвалась.

Подруга Настя, которая пророчила мне французского мужа, узнав, что я познакомилась с бельгийцем, посчитала везением тот факт, что мы так быстро нашли общий язык и за один вечер успели понравиться друг другу. На мой отказ найти к нему подход путем переписки, она ответила: «Ты точно с другой планеты!»

В следующий раз Мартин обратился ко мне в июле, через четыре месяца после поездки в Брюссель. Он хотел проведать обстановку насчет его визита во Львов. Я знала, что это значило. Я не экстрасенс, но у меня было чувство, что произошло что-то важное в тот изумительный вечер в Брюсселе.

За четыре месяца моя жизнь не сильно изменилась: я все так же была одинока, искала новых друзей и учила французский. Потому решила дать Мартину шанс, что бы для нас двоих это ни значило.

Я и впряду обрадовалась весточке от него, но проблема была в том, что к тому времени я уже купила билет в Париж на начало сентября, следуя политике раннего бронирования компаний лоу-костов.

– Париж, звучит потрясающе! – так эмоционально отреагировал Мартин на мой отказ встретиться в сентябре. – Пожалуй, я бы тоже не отказался туда съездить. Мы можем спланировать поездку в одно время, если ты будешь рада моей компании? Подумай об этом.

Я была совсем не против, но больше всего удивилась его эмоциональности и напористости, которую он не проявлял в день нашего знакомства. Определенно, некоторым людям нужно созреть для того, чтобы открыться незнакомому человеку. Я ответила:

– Отлично! Бери с собой наших общих друзей и приезжай в Париж, я буду рада встретиться!

В следующей нашей переписке Мартин объявил, что приедет один, и хоть собирается добираться машиной, друзей он с собой брать не будет. Я правильно оценила его настрой и ответила:

– Имей в виду, я еду в Париж на пять дней, будет ли тебе смысл ехать машиной всего лишь на выходные?

– Не беспокойся, я возьму отгулы на работе, – его готовность и ответы на любые мои вопросы начала меня обескураживать.

– Хорошо. Но не забывай, что мой бюджет достаточно скромный. Я собираюсь жить дома у одного знакомого, Шарля, а потом в хостеле, – предупредила я своего нового бельгийского друга.

– Без проблем, я могу жить в отеле или хостеле, где угодно. – у Мартина и на это был готов ответ.

– Хорошо. Я спрошу у Шарля, сможет ли он принять нас двоих, – и я рассказала Мартину историю знакомства с кузеном коллеги.

Списавшись еще через несколько недель и получив положительный ответ от Шарля, мы составили такой план: пять дней в Париже, а два оставшихся дня можно провести в любом городе, который нам понравится или же остаться в столице.

— — —

Кристин слушала мой рассказ заворуженно и не перебивая, а потом очень серьезно сказала:

– Ты все правильно сделала, что не навязывала Мартину свое общество. Ему нужно было время на то, чтобы определиться, нужны ли ему отношения на расстоянии.

– Спасибо! Мне важно было узнать твое мнение.

– И мне нравится эта история. Уверена, Мартин подходит тебе. Насколько я понимаю, он в меру рациональный, но при этом достаточно легкий на подъем, чтобы отправиться в спонтанную поездку.

– Это правда! Скоро ты с ним познакомишься, уже в конце октября.

– Мне не терпится.

– Он тебе понравится!

Кристин продолжала:

– Скажи, если бы он тебе не написал тебе через четыре месяца, ты проявила бы ты инициативу для дальнейшей встречи?

– Не думаю. Но я оценила его старания, а также то, как мы провели время с его друзьями в Брюсселе.

Кристин засмеялась:

– В моем понимании, хорошая история – это та, где делает свой выбор женщина. Также я сторонник проявления женской инициативы!

– О, не переживай, – улыбнулась я, – в этом недостатка не будет! Просто дослушай эту историю до конца.

Иногда, чтобы сменить ритм, качество и глубину жизни, перестать изображать счастье, нужно делать что-то совершенно неожиданное и непривычное для себя. Я много думала о том как важно сменить обстановку, потому использовала любую возможность и заработанные средства для того, чтобы путешествовать: мне нравится выражение во французском языке: «changer l'air» (буквально – «сменить воздух»). Как результат – мне пришлось, словно по частицам собирать образ настоящей себя. То, что я не могла взять в плане культуры и традиций у своей страны, я с удовольствием перенимала у представителей других народов.

ГЛАВА 4

Черно-белые сны

– Орелия, чем ты собираешься заниматься после окончания карьеры модели? – спросила я однажды подругу.

– Пока что не решила. Образования у меня нет.

Это был один из последних вечеров, проведенных вместе с Орелией перед отъездом в Лондон.

– А я буду учителем. По крайней мере, на данный момент план таков, – грустно отвечала я.

– Я в этом сомневаюсь. Только увидишь, что для этой работы ты не создана.

– Но за меня уже все решили! Скоро я еду в Англию. И это после того, как моя жизнь только начала налаживаться тут, во Франции.

– Мне будет здесь тебя не хватать!

– Но я буду часто приезжать к родителям! А если с учебой будет все хорошо, то и иногда и на показы.

– Я надеюсь, потому что мне с тобой действительно весело и нескучно! – эмоционально воскликнула подруга. Мы обнялись.

Я искренне не влюбила Англию в своих мыслях еще до приезда и обучения. В своем воображении, книгах и несчастных детских поездках я видела эту страну и ее жителей нарисованными под некий трафарет условностей и традиций. Но кто бы мог предположить, что после строгого и консервативной периода в моей жизни, время свободы и вольностей наступит именно там.

После занятий я просто брала свой велосипед и уезжала далеко за город, поля и леса южной Англии невероятно живописны. Я читала книги и готовилась к занятиям в полном одиночестве, писала письма своей дорогой Орелии. У меня никогда не было и не могло быть такой свободы в Париже.

Однажды некий высокий джентельмен проехал мимо меня на своем велосипеде. Я узнала его, он был преподавателем в нашем университете, но не на нашем курсе. Девочки часто начинали шептаться только завидев его издали. Оказалось, Марк – мой будущий муж, но в тот момент, когда у него спустило колесо, я еще этого не знала. Разговор завязался

КРИСТИН И РЕБЯТА

Я ждала развития сюжета черно-белых снов, но еще не набралась смелости рассказать о них Кристин. Слишком много совпадений для себя она обнаружит с образом Орелии. Я же находила совпадение и отклик в своих чувствах с теми снами и событиями, которые начали развиваться сами собой.

Когда я пишу «сами собой», то представляю, как Кристин начинает спорить. К тому времени, как мы начали жить вместе, у нас образовалась несколько тем для бесконечных дебатов. Тогда я еще не знала, что Кристин очень любит спорить. Участие в споре или бурном обсуждении придавало страсть и вызов ее облику, а глаза загорались огнем. Мне нравились эти разговоры, в моем представлении спор означал обмен мнениями. Я слишком полюбила эту девушку, чтобы с хрипотой в голосе доказывать свою правоту, хотя часто она настаивала на таком варианте событий. Меня это не волновало. Я была счастлива. В конце концов, я не ставила себе за цель быть окруженной людьми, с которыми буду на сто процентов согласна.

Например, частыми были дискуссии насчет случайности или закономерности многих жизненных событий. В обсуждении этого вопроса у нас с Кристин также возникли противоречия: она говорила, что события нужно формировать, а я говорила, что при правильном настрое они происходят сами собой. Мы даже дали название этим дискуссиям на нашем внутреннем дружеском жаргоне: «случай vs. план».

Как пример, Кристин приводила свою поездку в Украину: это было ее осознанное решение, место назначения и тему кандидатской она выбирала сама и вуаля – она сейчас здесь со мной. Я же приводила в пример знакомство с Мартином: я точно не мечтала о знакомстве с бельгийцем, а просто поехала в турпоездку, и вуаля – у меня теперь есть парень.

В один из дней наше трио договорилась о встрече с Настей. Она тяжело переживала разрыв со своим бойфрендом, с которым она познакомилась в Брюсселе. На французские встречи она не приходила, зато уже давно хотела познакомиться с Кристин и имела некоторые виды на Луи.

– Скорее всего, у тебя ничего не получится. Луи словно хвостик везде следует за Дельфин, – рассуждала я по телефону.

– Думаешь, они будут вместе?

– Пока что со стороны Кристин я не вижу энтузиазма.

– Значит, у меня еще есть шансы.

Часто нам с Кристин задавали три основных вопроса. В первую очередь, в дело шли какие-то стандартные фразы, например, «Cherchez la femme» или «Je ne mange pas six jours». Если стороны наших соотечественников это воспринимается как некое клише, но Кристин была в недоумении. Мне же приходилось объяснять подруге значение этих фраз и откуда они взялись в наших широтах.

Как видите, набор клише про Францию не блистал разнообразием, мы не раз обсуждали с Кристин, что Франция популярна благодаря кинематографу, музыке и моде, а огромный слой культурного разнообразия остается в головах наших соотечественников за кулисами.

Наше певческое трио направлялось в любимое кафе с абажуром: Луи насвистывал мелодию, а Кристин рассказывала в кратце содержание скайп-разговора с отцом. Ближе к Рождеству или к новому году отец Кристин с ее мачехой планировали приехать в Украину.

– О, а я и не знала, что твои родители развелись, – пожалела подругу я.

– Да что ты, не надо меня жалеть. – отвечала Кристин. – Во Франции такая большая статистика разводов – почти пятьдесят процентов!

– Жалко быть частью такой грустной статистики.

– Во всем виновато отсутствие культуры отношений, а не статистика, – заявила Кристин. – Мои родители ссорились почти каждый день, и в этом я вижу попытку назначить главного, а также нерелизованность моей матери, – ответила Кристин.

– Бедная chérie.

– Поверьте, стало сразу легче дышать, как только они развелись – и мне, и моему брату, и моим родителям в первую очередь. Сейчас моя мать живет одна, а отец женился во второй раз

– Удачно?

– Думаю, да, он это заслужил. Отношения с моей матерью, ее негибкость и закрытость были для него трагедией. Самое интересное, что после развода отец довольно быстро нашел себе вторую жену, она психолог по семейным взаимоотношениям. Видимо, мой папа заслуживает решения этой проблемы, раз жизнь его сталкивает всякий раз с такими задачами! – засмеялась Кристин.

– А ты, Луи, что об этом думаешь? – обратились мы к заскучавшему другу.

Луи ненадолго задумался:

– Я из традиционной семьи, мои родители до сих пор вместе. Моя мама не работала ни дня, воспитывая троих детей – меня и моих братьев. В ее жизни были и веселые и грустные

моменты, но для нее жизнь домохозяйки привычна. А, я как хороший сын был бы только «за», если бы она смогла обрести радость самореализации – в хобби или профессии, неважно.

Разговор получался интересным и давал много новой информации о взглядах и прошлом моих новых друзей. Кристин продолжала:

– Марго, почему почему в твоей стране столько одиноких и красивых женщин? Понимаю, во Франции при таком количестве разводов, люди просто боятся вступать в брак. А здесь?

– Я скажу свои наблюдения, так как статистики не знаю, – улыбнулась я. – Я часто вижу или слишком доминирующих мужчин, или слишком контролирующих женщин. Если обобщенно, то золотой середины не наблюдается.

– Во Франции доминирующая женщина – это не проблема! – хмыкнула Кристин.

– Например, мои родители, кстати, они до сих пор вместе. Моя мама принимала все важные решения в семье, и в своих отношениях я копировала ее модель поведения. После нескольких неудачных попыток я пришла к выводу, что я не хочу следовать модели доминирующей женщины, принимающей решения.

– То есть гиперактивность женщин – это проблема? Никогда не соглашусь с этим! – начала кипятиться Кристин.

– Нет, скорее тотальный контроль не помогает строить близость. Недоверие к силам партнера. Перевес сил одной из сторон. По крайней мере, лично мне все это не помогло построить здоровый контакт, когда я встречалась с парнем из традиционной семьи.

– А я считаю, что в паре или семье нет главных и второстепенных, самое важное – это диалог, желание наладить прочные взаимоотношения. Я никогда не признаю того факта, что стремление женщины к самореализации мешает построению отношений, – я уже знала, что в таких вопросах Кристин может спорить хоть до завтрашнего утра.

– Никто и не отрицает важность самореализации. Тут вопрос в другом. Мне кажется, в нашей культуре женское одиночество чересчур переоценивается. Очень просто остаться одинокой сильной женщине в обществе, которое не так давно отошло от патриархальных стандартов.

Когда наше трио зашло в кафе, Настя уже сидела за столиком, громко разговаривая по телефону. Ей недавно исполнилось двадцать восемь, она была приятной блондинкой с короткой стрижкой и аккуратным макияжем. Также она была одета в черную водолазку и обычные джинсы, что выдавало в ней сотрудницу одних из многих IT tech компаний нашего города.

Вместо приветствия Настя обрушила на нас поток слов, и я сразу почувствовала легкую антипатию к ней:

– Может, пойдем в другое кафе? Здесь нет моего любимого капучино и слишком шумно. – Впрочем, судя по дальнейшему разговору, Настя Кристин скорее понравилась, чем нет. Иногда чтобы принять другого человека приходится приспосабливаться к ее излишней эмоциональности.

– Мы останемся здесь, это наше любимое кафе, – сказала Кристин и мне действительно казалось, что в моем городе ей нравится абсолютно все. Но наше кафе было особенным: в нем не было стандартных столов, лишь диваны, на которых так приятно было попивать чай в компании друзей.

Сразу после представления мною Кристин и Луи, Настя сразу же пошла на таран:

– Луи, чем ты занимаешься?

– Собираюсь поступать в медицинский университет. В Ливане обучение очень дорогое, потому мне дешевле платить за учебу, переезды и жилье здесь.

– О, для переезда необходима определенная доля смелости. Я рада, что ты тут.

Мы с Кристин только переглянулись, подруга же с интересом наблюдала за развивающейся беседой, по моему мнению, ей нравилось, когда девушка проявляет инициативу, по моему же мнению Насти в этом разговоре было слишком много.

Луи несколько не был смущен, кажется, он привык к постоянному наплыву внимания со стороны девушек. С одной стороны, атака Насти ему нравилась, с другой – он время от времени беспомощно поглядывал в нашу с Кристин сторону. «Ничего не получится», – подумала я.

Мы не успели даже заказать чай, как Настя вдруг неожиданно перекинула вектор своего эмоционального внимания и заинтересованности на Кристин:

– Я слышала, ты занимаешься исследованием по социологии. А на какую тему?

– О, это непростая тема, – закашлялась Кристин. – Дело в том, что я приехала в Украину по написать про центры репродуктивной медицины, которые работают на иностранцев, в том числе, и французов.

– Не знала, что такое явление у нас настолько развито, – Настя подняла правую бровь, но никаких других признаков удивления не подала.

Конечно, я знала с самого первого дня о теме кандидатской, для которой Кристин собиралась делать исследование в Украине. Эта тема была еще одним неоспроимым доказательством ее правоты в дискуссии «случай vs. план». Кристин твердо верила в то, что женщина любого возраста могла выбирать: быть замужем или заниматься карьерой с хобби, заводить ребенка или не заводить, а если да – выбор того, решится она завести его одна или с мужем, также не должен был быть преградой.

Кристин собиралась найти в моем городе медицинские центры, и, познакомившись с персоналом и клиентами, провести с ними интервью. С первых недель пребывания во Львове, Кристин столкнулась с трудностями: оказалось, персонал медицинских центров не собирается с ней знакомиться, а тем более – выдавать какую-либо коммерческую информацию. Прошло уже более двух месяцев со дня ее приезда, а продвижения в вопросе исследования не наблюдалось.

Несомненно, Кристин не относилась к тем, кто сдается так быстро, поэтому она начала по мере возможностей расширять свой круг знакомств, в наиболее деликатной форме пытаясь узнать, у кого есть друзья или знакомые из медицинского сообщества. Она даже уже нашла несколько зацепок, а я на волонтерских началах, как и обещала в первый день, обещала искать и переводить, если понадобится такая помощь.

Кристин закончила свое объяснение так:

– И если, вдруг, Настя, у тебя есть знакомые, пожалуйста, дай мне знать. Мое исследование пока что продвигается очень медленно.

– Честно говоря, думала, ты пишешь о чем-то менее серьезном. Сразу хочу тебе сказать, что я приезжая и мало кого тут знаю. Но постараюсь поспрашивать у знакомых в Николаеве и Одессе.

– Прекрасно. Это мне тоже подходит.

Настя продолжала:

– Возможно, я не специалист, но раз твои поиски уже второй месяц заходят в тупик, то зайди с другой стороны. Попробуй найти французов, которые хотели бы воспользоваться услугами такого центра.

– Génial! – Кристин ликовала – общение с Настей нравилось ей все больше и больше, и она не могла понять, почему я так скептически к ней относилась.

Я развеселилась:

– Кристин, если ты подождешь еще немного, то возможно кто-то из нас станет клиентом такого центра. Мы ведь недавно говорили о том, что в нашем с Настей возрасте в Украине все сложнее найти парня.

– Да, Марго повезло в Бельгии, а я все еще одинока, – Настя бросила быстрый взгляд в сторону Луи, но он не реагировал.

Кристин продолжала недоумевать:

– Это удивительно! Я с юного возраста защищаю права женщин, но не видела раньше того, чтобы люди женились и выходили замуж так рано. Это что, вопрос статуса?

– Вполне возможно. Особенно для женщин, – ответила я.

– Совершенно невообразимая для меня ситуация во Франции! У нас женщины, как и мужчины совершенно спокойно могут начинать задумываться о семье, когда им уже под сорок. Если они встретили кого-то раньше – прекрасно, но никто не ставит на них крест если человек не завел ребенка. У нас считается, что это личное дело каждого, осознанный выбор.

– Я в этом городе недавно, и мне кажется, что здесь все очень консервативно. Твой подход мне нравится намного больше! – ответила Настя.

– В консервативности я уже имела возможность убедиться! – развивала тему Кристин. – Меня отлично принимают у моей маман, это родственники моей подруги. До одного прекрасного дня они не знали о теме моей работы. Дело в том, что семья маман очень религиозна, а церковь не приветствует искусственное оплодотворение, считая, что раз бог не дал детей, значит, на это есть причины.

– Я тоже так думаю! – отозвался Луи. – Я верующий.

– Ничего против не имею, но на данный момент меня интересует Украина, ее жители и их отношение.

– Надо будет перевести твоё исследование и показать моим родителям. Не могу слушать каждый год про «часики тикают». – Настя в двух словах описала значение этой фразы, хорошо знакомой девушкам около тридцати.

– Полное безобразие! – возмутилась Кристин. – Во Франции каждая женщина знает, что если она не успевает родить в положенный срок, к ее услугам всегда есть ЭКО. Этой технологии уже не одно десятилетие, потому уже несколько поколений французенок не чувствуют себя обделенными и, соответственно, не транслируют этого детям!

– Прекрасно! Вот одно из объяснений независимости французских женщин, – воскликнула я.

– Всем нам нужна прививка с концентратом достоинства и независимости, которые есть у французских женщин, – задумчиво сказала Настя.

– Не переживайте, я с радостью вам ее сделаю!

Наконец отозвался Луи:

– А меня беспокоит тот факт, что иностранные клиенты приезжают сюда за дешевизной услуг.

– А меня нет, да и хорошо, что у людей есть работа, – отозвалась я.

– Если ребенок – это мечта чьей-то жизни, а Украина может помочь в этом, то не понимаю, в чем проблема! – Кристин поставила точку в этом разговоре.

Кристин была в восторге от общения с Настей, я уже упоминала о том, какое впечатление на нее производили сильные харизматичные женщины, а Настя именно такой и была. Она попросила моего разрешения на то, чтобы приглашать Настю время от времени на субботние кинозалы, я была не против.

В одну из суббот, предназначенных для кинозала, Кристин не могла остаться дольше для того, чтобы просто поболтать и попить чай, хотя мы с Луи очень на это рассчитывали.

– У меня сегодня свидание! – радостно заявила она.

– Кто он? – почти хором воскликнули мы с Луи.

– Украинец, его зовут СашА, – хитро прищурилась Кристин и по своей привычке делая ударение на последний слог.

Разговор начал приобретать интригу:

– Как ты с ним познакомилась? – проявил любопытство Луи.

– В первую неделю я никого не знала и умирала со скуки. Ты не можешь себе представить, как это жить в другой стране в квартире со стариками, не зная языка! В первые дни я даже каталась на туристическом трамвае, что стоит напротив ратуши. Мне было совсем нечего делать!

– Бедняжка!

– Потом у меня появилась идея. Я написала сообщение на одном форуме, что я ищу человека, с кем смогу практиковать свой английский. Мне сразу же написал Саша, он сказал, что часто гуляет с собакой и потому предложил показать свой любимый парк. Я, конечно же, согласилась.

– Какой полезный малый, – похоже, Луи не очень понравилось наличие потенциального соперника.

– Позже Саша сказал мне, что через день он уезжает в Харьков, откуда он родом. Сюда переехал, потому что он айтишник и здесь ему понравился проект, над которым он сейчас работает для американской фирмы. Из Харькова он отправил мне сообщение в фейсбук. Мне они понравились и я ответила, чтобы он сделал побольше фотографий, потому что до этого ничего про Харьков не слышала. Так и завязалась наша переписка.

– А сейчас он пригласил тебя на свидание или опять на прогулку с собакой? – Луи попытался разузнать чуть больше.

– Я это воспринимаю как свидание! Вы не представляете, как я волнуюсь. Мне кажется, что здесь все не так, по-другому!

Наконец-то я догадалась:

– Только не говори, что это будет твой первый опыт свидания с парнем из другой страны?

– Именно так и будет!

– Культурный обмен идет полным ходом! – не мог не съязвить Луи.

– Как же это интересно! – произнесла я, даже не подозревая в тот момент, что все самое интересное еще и не начиналось.

– Bisou, bisou, – раздала воздушные поцелуи Кристин, – я побежала.

– Если будет время, позвони мне после свидания, – шепнула я на ухо подруге, – мне не терпится узнать подробности.

– Обязательно!

Мы остались с Луи одни, и я заметила, что он начал собирать свою гитару в чехол и направляется к выходу. Для меня общение с Луи один на один не всегда было таким легким и непринужденным, как с Кристин, но его присутствие часто доставляло мне радость.

– Скажи, Луи, – поинтересовалась я, – если бы мы писали сценарий, как ты думаешь, куда бы украинский парень отвел на первое свидание французскую девушку?

Луи улыбнулся белоснежной улыбкой:

– В ресторан, конечно. Возможно, на терасу с видом на ночной город.

– Идея замечательная, но тривиальная. Совершенно не во вкусе Кристин. Она бы не отказалась, но на месте парня я бы отложила этот вариант на для последующих встреч, особенно, когда дело идет к первой ночи проведенной вместе.

– Ты права. Я и забыл, что одно из правил украинских девушек – это не заниматься сексом на первом свидании!

– Пока оставим в покое украинских девушек и стереотипы про них. Мы имеем дело с француженкой!

– Раз ты считаешь кино или ресторан тривиальным вариантом, я бы тогда предложил нечто неожиданное. Выставку современного искусства или концерт.

– Хорошая попытка, только мне думается, они сейчас не там. Раз нет идей, тогда ждем новостей, – захлопнула я двери за Луи.

Когда долгожданный звонок наконец прозвучал, на меня вылился словесный эмоциональный поток взбудораженной подруги:

– Конечно, сначала мы пошли на кофе. В этом городе все ходят на кофе и это может означать что угодно!

– А потом? – не терпелось узнать мне.

– Саша очень постарался попасть в резонанс с моими интересами. Потому отвел меня в караоке-клуб! Я уже упоминала про наши песни под гитару и о том, что очень люблю петь!

– Такой вариант мы не учли!

– О чем ты?

– Мы гадали с Луи, какие варианты развития событий. Почти поспорили, но никто не выиграл.

– Ты не представляешь, как выиграл он! Я пела, как сумасшедшая, была вся красная... Танцевала, шутила!

– Артистичности тебе точно не занимать.

– Саша, сказал, что французский очень сексуальный язык. Не знаю, почему все люди здесь только это и повторяют, но пока мне это играет на руку. Я перепела все французские песни, которые были у них в караоке!

– Ты просто звезда, *chérie*!

– Но ни одна из них не сексуальна! Это песни поколения моих дедушек. Я пела песни Эдит Пиаф, Шарля Азнавура, Мирей Матье, а из сырых ранних – певицу Ализе. Саша сказал, что я немного похожа на нее, а я, честно говоря, терпеть ее не могу.

Я каталась со смеху на диване слушая монолог подруги:

– Крайней мере прогресс продвинулся на пятьдесят лет!

– *C'est la catastrophe*! Когда мы увидимся в следующий раз втроем у тебя дома, я включу более качественные образцы как современной, так и более старой музыки!

Я и не собирать менять тему:

– Целовались?

– И да, и нет. – Подруга на несколько секунд замолчала, видимо воспоминание было очень приятным, и до сих пор не отпускало. – Пока как друзья. Только обнимались, но так чувственно!

Несмотря на то, что разговор происходил по телефону я буквально физически ощутила, какой мощный вихрь желаний и эротизма закрутился каруселью вокруг этой пары. Ту, которая всегда планирует события в своей жизни, явно унесло далеко в неизвестном направлении.

Тем временем подруга не успокаивалась:

– Когда я пела, он просто пожирал меня глазами! А я уже мысленно не раз занялась в нем любовью!

– О-ла-ла!

– Марго, скажи, почему он такой нерешительный?

Я растерялась и не находила слов:

– Просто он никуда не торопится, думаю... Но... Или...

– Марго, по-моему, я влюбилась!

– О-ла-ла. Вот это поворот! Ты и простой парень из Украины!

– Нет, ничего не говори, нет! Не хочу слышать никаких возражений.

Я не стала возражать, ведь еще было рано делать какие-либо выводы.

– Кристин, я скажу! Прости, *chérie*, я не собиралась мыслить стереотипами, просто все это так неожиданно! Но я так рада за тебя!

– Спасибо, *chérie*. Жизнь в Украине и люди вокруг дарят мне вдохновение!

– И мне! И знаешь что? Кажется, у меня уже вырисовывается одна из сюжетных линий моего сценария!

ГЛАВА 5

Черно-белые сны

Когда после первого года учебы в Англии я вернулась в Париж, то просто не узнала этот город. Я была в восторге. Когда родители стали старше и не имели больше власти над моими передвижениями, я заново влюбилась в родной город. Париж напоминал о себе, искал подходящего момента, чтобы заявить о своей важности. О важности нескончаемой жизни и вечной радости.

Осенью 19XX года я ходила его родными, но малознакомыми улицами и вдыхала его свободный воздух. Я не понимала, почему в детстве Париж не хотел открываться мне с этой легкой и восторженной стороны. Я зажмурилась на приятном сентябрьском солнце: мне стало весело и смешно как в детстве.

Орелия сопровождала меня, мы обе не могли не насытиться встречей:

– А знаешь что? – воскликнула я. – У меня созрел грандиозный план! Каждый год летом мы ездим с родителями к родственникам в Ниццу, у них там дом. В следующий раз я просто обязана взять тебя с собой!

Это был отличный план, сбыться котому пришлось еще не скоро.

На волне позитивных эмоций от предвкушения поездки, я легко и беззаботно вскочила на лошадку карусели, крутившейся на плас Трокадеро. В Англии мне сильно не хватало такого осознанного легкомыслия. Свежий и игривый ветерок дунул мне в лицо – и я поняла, что вернусь в Париж еще не раз. Здесь я счастлива. Здесь меня ждут.

ГЛАВА SOUS LE CIEL DE PARIS

Лелея впечатления о поездки, о которой пойдет речь в этой главе, я решила отснять еще одну фотосессию в стиле ретро. Ее я приурочила к выставке старинных автомобилей. Все было готово: аксессуары, наряд с пышной юбкой, шляпка и длинные рукавицы. За основу был взят наряд Диора из серии new look, мне же оставалось найти нечто похожее по стилю и грации. Мне удалось уговорить одну знакомую перешить платье, купленное в комиссионном магазине за символическую цену.

Кристин отлично справилась с ролью стилиста, Луи – с ролью фотографа. После фотосессии я отвела своих друзей в кафе и угостила в обедом. Под предлогом шоппинга мы оставили Луи, а сами ускользнули в мою уютную гостиную поговорить о наших девичьих делах. Расширение круга знакомств повлияло на сокровенность нашего с Кристин общения, и теперь мы больше ценили общее время и такие важные для нас разговоры. Подруга делилась:

– Вчера я говорила по скайпу со своими кузинами и рассказала им, что иду на свидание с Сашей. Знаешь, что они сказали?

– И что же? – ответила я, не предчувствуя неладное.

– Чтобы я была осторожной! – негодовала подруга. – Они думают, что если я встречу кого-то в Украине, то этот человек будет со мной только ради денег или визы.

Я промолчала, подумав, сколько раз я слышала эту историю от вполне образованных и милых в общении иностранных коллег. Мне не хватало слов выразить свое раздражение:

– Скажи им, что работая в IT, Саша с удовольствием будет принят в любую иностранную фирму, так что женитьба необязательна.

Кристин продолжала негодовать:

– Можно подумать, француженки и французы никогда не встречаются с иностранцами! Но одно дело встречаться, а другое – делать поспешные выводы о корыстных целях. Мне было тяжело слышать такую реакцию.

Мы замолчали, каждая думая о своем, но молчание продлилось недолго. Я заговорила первой:

– Знакомо. Сейчас у меня открыта шенгенская виза на год. Я до сих пор не знаю или будет у меня следующая, поэтому весь свой прошлогодний доход я вложила в поездки. Я ни о чем не жалею, в конце концов, я увидела Париж. Это было моей мечтой.

– О, это как в песне моей нелюбимой Эдит Пиаф! Non, je ne regrette rien!

– Exactement!

Я начала рассказ о своей поездке, воспевая оду моему Парижу, а Кристин слушала внимательно, не перебивая.

Говорят, когда делаешь правильный жизненный выбор, ощущение приподнятости, удовольствия и восторга устанавливается в качестве постоянного эмоционального фона. Именно эти чувства не покидали меня на протяжении поездки в Париж, сделав ее не только незабываемым событием, но и определенной жизненной вехой, показавшей новый важный ориентир. Оказалось, что любовь – это и есть мой новый ориентир.

Я хотела и раньше быть легкой и восторженной, но в виду жизненных обстоятельств у меня получалось быть скованной и меланхоличной. Путешествия и знания языков, без сомнения, развивают и приводят к новым знакомствам, но я не была настолько смелой. В один прекрасный летний вечер меня осенило: если языки и путешествия меня «включают», то сконцентрируюсь на них. Билет во Францию я забронировала в тот же день.

Когда в начале сентября 2012 года я приехала в Париж, Мартин встретил меня возле станции метро Port Maillot. Он же приехал из Брюсселя на автомобиле в тот же день утром, поездка заняла у него около трех часов. Мне же пришлось приехать в Польшу на день раньше, переночевать в Кракове, и потом больше часа добираться в Париж в отдаленный аэропорт Bovais.

Ранее предполагалось, что Мартин встретит меня в аэропорту. Я его об этом не просила, но он написал, что с радостью приедет туда на машине. Еще одно попадание в цель с его стороны, ведь встреча в аэропорту – это уже не просто хороший поступок, а заявка на что-то серьезное.

Мне были приятно такое проявление внимания, но, честно говоря, я была невероятно смущена. Дело в том, что я хотела себе оставить место для маневра, если я передумаю. Но предложение Мартина не отдавало ни пошлостью, ни навязчивостью: оно было сделано в милой, почти застенчивой манере, словно твой давний друг просит тебя оказать ему услугу. Именно просит, а не предлагает или настаивает, а ты не можешь найти причину, чтобы отказать. Вот такой мягкой безапелляционностью обладала дипломатичность этого мужчины.

Я чересчур много обдумывала эту простую ситуацию, придав ей значение, но выйдя в зал прибытия после приземления, я не увидела Мартина в толпе встречающих. Я включила свой мобильный телефон и прочитала сообщение, в котором он извинялся за то, что не сможет меня встретить.

Я не скажу, что его ошибка в плане моего «завоевания» была роковой, просто девушке быть встреченной в аэропорту всегда приятно. А под давлением колебаний и сомнений насчет того, подходит ли тебе этот мужчина или нет, я бы поставила еще один жирный плюсик в его немалом послужном списке.

«Все-таки он не герой моего романа. Обычно меня привлекают мужчины другой внешности. Но поживем – увидим», – думала я, наблюдая за Мартином из окна автобуса. Я увидела Мартина в совершенно неприемлемом для меня виде: трехдневная щетина, еще более смуглая, чем прежде кожа, обветренные губы, нелепая цветастая футболка, хоть и хорошей

марки. С самых первых минут Мартин начал извиняться за то, что не сумел встретить меня в аэропорту:

– Я переписывался с Шарлем и он отговорил меня ехать в аэропорт, мотивируя тем, что автомагистраль к нему платная, и проезд стоит недешево. У меня было время заехать к нему домой, а он каким-то образом заговорил мне зубы, потому я не выехал вовремя.

Я также была уверена, что Мартин не пожалел бы денег, чтобы произвести впечатление на девушку, которая ему нравится, поэтому ответила:

– Ничего страшного. На самом деле, это все мелочи, так как я отлично добралась на автобусе.

Мы доехали до места, где жил Шарль на метро, и, несмотря на вывески «Metro Parisien», я не могла поверить, что нахожусь в Париже. Вряд ли это можно объяснить словами, и хоть путь был и нелегким, я не могла поверить, что выполнить мечту детства и юности было так просто.

Шарль встретил нас радушно, правда, почти не отрывался от компьютера, разговаривая с нами. Время подходило к пяти часам, но у нас было достаточно времени, чтобы осмотреть район Эйфелевой башни, Триумфальной Арки и Елисейских полей. Потому скоро мы двинулись в путь, непринужденно болтая по дороге.

Как я и говорила раньше, я потеряла работу за две недели до поездки. Мартин также поменял работу, но в его случае перемена не была разительной – он работал с тем же клиентом, но через другую фирму. Шарль, насколько я помню из нашего общения во Львове, работал в страховой компании. Только сейчас, посмотрев на него сидя за компьютером в какой-то несерьезной футболке, я отметила, что он был скорее похож на подростка, чем на служащего.

При выходе из метро, я вспомнила о том, что уже вечер, а я так и не написала родителям сообщение, о том, что со мной все в порядке и что я успешно добралась. Я так и плелась за ребятами, нажимая на кнопки смартфона, пока не подняла голову.

Со всей ответственностью и без лишнего пафоса заявляю: какой я увидела Эйфелеву башню в первый раз – одно из самых ярких впечатлений в моей жизни. Я как сейчас помню нежный закатный свет, бархатисто лежащий на ее очертаниях так, что они стали желто-золотыми. Я всегда представляла мадам Эйфель как модницу в строгом черном облачении с зеленоватым металлическим оттенком. В настоящем моменте теплого сентябрьского вечера, мне открылся неожиданно нежный, но от этого не менее роскошный образ главного французского символа.

Я стояла как вкопанная, наслаждаясь матово-пастельными красками, не реагируя на вопросы Шарля, хочу ли я сделать фотографии. После такого потрясения ничего не оставалось как поверить, что я в Париже, моем Париже!

Какая досада, что не смогла или не захотела приехать сюда раньше! Внутреннее ощущение «хочу, но не могу» впредь необходимо будет в себе отслеживать и искоренять, оно очень опасное и делает жизнь бесвкусовой чередой дней. Сообщение родителям я отправляла уже с видом на Эйфелеву башню, чтобы они не сомневались, что я в правильном месте.

Так мы неспешно прогуливались по Парижу, довольные и счастливые. Я делилась с ребятами своим восторгом и шла, не сводя взгляда с чудесной башни – символа осуществления такой значимой в моей жизни мечты. Шарль разделял мою радость целиком и полностью, подтверждая тем, что рад жить в Париже, так как это место его вдохновляет и приводит в полный восторг, в какой бы части города он бы ни находился.

Позже я смотрела на Триумфальную арку с островка безопасности посередине проезжей части Елисейских полей, а Мартин меня фотографировал. Невероятно мощное ощущение, когда стоишь, расставив в обе стороны руки, а с двух сторон в разных направлениях несутся светящиеся потоки машин. Это ощущение потока, который меня захватил, кажется, до сих пор меня не отпускает.

На следующий день мы оставили Шарля дома заниматься своими делами и отправились с Мартином на бесплатную экскурсию. Помню, что никак не могла заставить ребят проснуться, так мне не терпелось снова пойти на свидание с Парижем. В конечном итоге, мне пришлось смириться с нетеропливостью Мартина, раз он выступал в качестве моего гида и провожатого по Парижу. Поезд из парижского пригорода мы ждали довольно долго, а я сидела на лавке и нервно ерзала. Для того, чтобы заполнить время, я спросила Мартина, сколько станций нам ехать до нужной остановки и будем ли мы делать пересадку. На это Мартин уверенно достал свой телефон, объявив, что скачал приложение со схемой парижского метро. И действительно, по запросу программа показывала разноцветные кружочки станций и их количество с названиями и пересадками. После этого разговора я признала в Мартине провожатого и полностью ему доверилась, не задавая больше бессмысленных вопросов. Честно говоря, у меня с собой не было даже карты, а он был полон уверенности и решимости водить меня по городу, что я, наконец, сдалась на его милость.

После бесплатного тура, мы встретились с Шарлем, он принес мне аккумулятор к фотоаппарату, который я умудрилась оставить дома. В тот день мне пришлось делать фотографии многих значимых мест Парижа на телефон. Единственный плюс, что сразу после того, как я получила доступ к интернету, я отправила несколько фотографий в социальные сети, чтобы порадовать своих друзей новостью о том, что я в Париже. На одной фотографии я присела рядом с английской собакой, с хозяевами которой мы познакомились во время экскурсии возле Лувра. Я подписала фотографию «Мой новый английский друг», после чего получила неожиданное и потому невероятно приятное сообщение от одного человека. Это привело меня в такой восторг и возбуждение, что из-за этой переписки я полночи не могла заснуть. Но обо всем по порядку, у меня еще будет возможность об этом рассказать.

Когда мы вернулись домой, на часах было уже больше девяти вечера. Я не могла поверить, что Шарль после долгой прогулки начнет готовить, но после того, как он принялся за работу, я сразу же бросилась ему помогать. А Мартин сначала уткнулся в телефон, но позже предложил свою помощь, по сути, выгнав меня из-за стола, за которым не было места для третьего. А так как места в квартире-студии было мало, то пришлось подчиниться.

Наш прием у Шарля дома был на высшем уровне, только его непосредственность и простота, которые я здесь описываю с таким восторгом, сослужили мне плохую службу. Дело в том, что квартира-студия Шарль имела невероятно маленькую площадь – меньше двадцати метров. Моя комната во львовской квартире и то была больше, и это учитывая то, что в нее не нужно вмести ванную комнату и кухню. Но пространство было организовано очень экономно, потому одному Шарлю жилось там вполне комфортно. У него даже была огромная двуспальная кровать. Нам же он разложил обычный диван, не очень большой, но это не имело большого значения. Вопрос был в том, нам предстояло с Мартином спать на нем вместе. В качестве приглашенных гостей жаловаться или возмущаться не приходилось. Но и спать в одной кровати с Мартином у меня не было никакого желания.

Я несколько секунд размышляла, как бы корректно об этом намекнуть Шарлю. Учитывая размер квартиры, мне бы удалось уговорить Мартина пойти спать на кровать к Шарлю, но при этом не хотелось причинять неудобства чересчур добродушному хозяину квартиры.

В это время Шарль закончил стелить диван и удалился в душ, поэтому я оставила свою идею без внимания. В первую ночь мне не спалось, но не из-за тесноты, а из-за переизбытка парижских впечатлений и... храпа Мартина. Честное слово, это самый большой недостаток, который я не переношу в мужчинах. Мне действительно мешал его храп, потому я для себя решила, что даже близко не смогу рассматривать Мартина в качестве своего молодого человека, раз он имеет такой ужасный недостаток.

Следующие два дня в Париже пронеслись словно во сне: мы гуляли, делали фотографии, сидели в уютных кафе на Монмартре, на котором так приятно немного заблудиться, медленно

шагая по его узеньким улицам. В один из немногочисленных пасмурных дней мы съездили в Версаль, красоту которого надо не только видеть, а и чувствовать, впуская роскошь и дух истории в каждую клеточку своего тела. Вернувшись в город, я сконцентрировалась на снимков подъезда, фонарей, окон и витрин. Не только величие Парижа, а и каждая его небольшая деталь покорили мое сердце.

В утро своего тридцатилетия я решила, что раз ребята ничего о нем не знают, то, возможно, и не стоит говорить. Шарль спал: это был его выходной, потому он отсыпался, как мог. Я сделала себе кофе, а Мартин пошел на улицу проверить машину. Вернулся он с пакетом круассанов, головкружительный аромат которых заполнил все пространство небольшой студии.

Шарль еще не проснулся, а я уже с удовольствием попивала кофе с круассаном, думая о том, что может быть лучше утра своего тридцатилетия в Париже? Исподтишка поглядывая за Мартином, который собирал свой чемодан, я отметила, что он наконец, побрился, одел обычную голубую рубашку, которая приятно оттенила его смуглую кожу. Гладко выбритый подбородок теперь придавал своему обладателю юный облик, а его огромные карие глаза выглядели особенно выразительно и даже по-детски трогательно.

Мы оставили Шарлю завтрак, написали благодарственную записку, при этом не прощаясь: мы планировали увидеться с ним вечером. Немного подумав, я написала, что отказ не принимается, потому что у меня сегодня день рождения.

В тот день мы гуляли возле знаменитого Нотр Дам де Пари, пили кофе в Латинском квартале, фотографировались возле Пантеона. Мне особенно понравился Сад Люксембург, в этот красивый и солнечный день он выглядел особенно волнующе и очаровательно.

– Сегодня понедельник, наплыв туристов немного снизился. Попробуем покорить Эйфелеву башню? – радостно спросила я.

– Думаю, будут очереди, по крайней мере, для желающих подняться на лифте. Так говорил Шарль, а он лучше знает.

– Я настолько люблю Эйфелеву башню, что готова подниматься на нее пешком, пусть даже я и сотру все ноги в порошок и после этого не смогу двигаться! – с уверенностью произнесла я.

Когда мы подошли к окошкам кассы, где продавались билеты, то с удивлением обнаружили перед собой всего пять-шесть человек, которые мгновенно прошли очередь за считанные секунды. Заплатив, мы бегом от счастья поднимались по лестнице и только на втором пролете, поняли, что произошло: нам удалось попасть на Эйфелеву башню, не выстояв предварительно в километровой очереди.

– Наверное, потому что сегодня понедельник, – резонно заметил Мартин, – но я также поражен отсутствию людей, особенно если вспомнить обе очереди при входе в субботу. Хотя, вполне возможно, что это ты приносишь удачу.

– Да, – я произнесла с гордостью, – я не только приношу удачу, но умею влиять на погоду. Посмотри, какая вокруг красота, тогда как еще утром было немного пасмурно.

Сейчас, вспоминая себя, глядящую на Париж с высоты птичьего полета, я понимаю, что есть нечто особенное в воздухе этого города, влияющее на сферу чувств и эмоций. На высоте чары магического Парижа заметно усиливались – несмотря на внушительные размеры, этот огромный мегаполис каждый год заставляет сердца миллионов людей биться немного быстрее. Там, на высоте, мне казалось, что эти пульсации собрались воедино в мощную ауру, полностью покрывающую этот волшебный город, проникая через воздух в кровь каждого человека, заставляя чувствовать и выделять в пространство флюиды любви.

– Вам сделать снимок вместе? – спросил меня мужчина, которого я минуту назад фотографировала рядом с женой на фоне парижских видов.

– Пожалуйста, только чтобы было видно карусель, – я в очередной раз удивилась, что нас принимают за пару, но именно в этом месте мне это теперь казалось неважным.

– А я никогда и не думал, что когда-то буду наблюдать закат солнца с Эйфелевой башни, – мечтательно сказал Мартин. Я повернула голову и ахнула: огромный оранжевый диск солнца, словно стекал за далекие высотные здания, растворяя в себе огни тысяч машин, несущихся по дорогам-паутинам. Теперь нечто невидимое вмешалось в наши отношения: поверьте, нельзя так просто наблюдать закат на Эйфелевой башне и после этого оставаться «просто друзьями».

– Это был самый лучший день в моей жизни, – сказал Мартин, и при всем моем скептицизме, так часто присущем мне в повседневности, не оставалось ничего другого, как поверить.

– В моей тоже! – ответила я. – А теперь пора праздновать! Давай купим шампанского и будем кататься на карусели! Когда я ехала в Париж, то именно так и представляла себе празднование своего тридцатилетия!

Я легко и беззаботно вскочила на лошадку карусели, крутившейся на плас Трокадеро. Во Львове мне сильно не хватало такого осознанного легкомыслия. Свежий и игривый ветерок дунул мне в лицо – и я поняла, что вернусь в Париж еще не раз. Здесь я счастлива. Здесь меня ждут.

Через полчаса приехал Шарль и подарил мне небольшой букетик. Мы с Мартином пригласили его в ресторан, таким образом, выразив свою признательность за прием и ночлег. Тем не менее, когда принесли счет, Мартин спокойно по нему расплатился, отказавшись принять от меня деньги тем, что он сегодня без подарка. Со стороны Шарля лучшим подарком стала отличная экскурсия по вечернему Монмартру, вдоль и поперек заполненного такими же счастливыми людьми, как и я.

В последний день нами было запланирована экскурсия на кладбище Пер Лашез, музей Yves Saint Laurent и art nouveau, а вечером – поход в гости в квартиру бабушки Шарля на Монмартре.

Наполненная и окрыленная впечатлениями дня, я еще раз поймала себя на ощущении того, что, возможно, я уже бывала в этом городе. Ощущение *dejà vu* было настолько явным, что мне не оставалось ничего другого, как впустить его в себя, переживая как нечто личное и сокровенное. Особенно явно оно проявилось в квартире бабушки Шарля – все от старинной ковки дверей и окон, резной мебели до хрустальной посуды и серебрянных приборов напоминало мне о той жизни. Я делала сотни фотографий всех мелочей и интерьера, одежды и обуви, словно пытаюсь себе все это «вернуть» и аккуратно поскладывать где-то в тайниках своей души. Знание того, что я вряд ли буду обладать подобными вещами в настоящей жизни, не причиняло мне боли, но эстетически и эмоционально для меня было важно находиться в местах, которые напоминали мне о моем «происхождении».

Проведя в компании Мартина несколько дней, я стала замечать, что уже не так категорична относительно его недостатков, более того, в его компании мне весело и очень комфортно. В последний день, проведенный в Париже мы проговорили почти весь день на французском. Можете не верить, но Париж как город любви и тут сделал свое дело. Французский язык ему в этом помог, настроив на романтическую ноту, а я ни разу не усомнившись в том, что душевность и красота этого языка когда-нибудь пробудят во мне чувства другого характера.

После четырех дней проживания в квартире Шарля, мы покинули его хоромы и собирались переместиться в хостел, который довольно долго выбирали предварительно в интернете. Мартин пытался меня убедить в том, что остановиться в небольшом отеле будет лучше, а я не хотела создавать двусмысленную ситуацию ночлега в одной комнате, потому я просто сказала, что не могу себе этого позволить из-за потери работы. Это было правдой, потому даже лгать не пришлось.

Мартин совершенно не планировал провести последнюю ночь во Франции в хостеле, потому он просто вытащил из машины карту Франции и предложил мне показать пальцем

любое место, куда мы могли бы съездить сегодня и вернуться до вечера следующего дня, когда у меня был вылет из Bovais. Я выбрала Реймс, потому что слышала о его красивейшем готическом соборе, плюс дорога на машине занимала чуть более двух часов.

Путешествие в Реймс выдалось замечательным: по дороге мы слушали французское радио, даже немного пели, точнее, Мартин подмурлыкивал в такт, а я снимала шпионское видео наших песен и фотографии фигурных нависших облаков, пролетающих над лазурным небом. Все это было похоже на то, как пара, долго планирующая побег, наконец, его совершает, оставив позади суету и заботы.

Время от времени я поглядывала на Мартина – зря мы в Париже не пользовались машиной, ведь за рулем он выглядел по-мужски уверенно, и для меня это было таким же откровением, как и то парижское утро, пахнущее кофе и круассанами, когда я первый раз любовалась его внешностью.

Отель в Реймсе, который забронировал Мартин в последний момент, находился прямо на улице, ведущей к роскошному Реймскому собору, знаменитого тем, что в нем крестили французских королей. Отель оказался очень посредственным: вполне пристойный снаружи, но довольно неудобный внутри – маленькие комнаты, старая, тесная душевая, отсутствие лифта. Мартин заказал нам одну комнату с двумя кроватями, но из-за невероятной тесноты комнаты, они были сдвинуты вместе.

– Нужно будет раздвинуть перед сном, – сказала я строго, более не проявляя никакой реакции по поводу неудобности комнаты.

К прогулке по городу и вечернему посещению ресторана мы приготовились и были на уровне: Мартин надел новую рубашку и темно-синий пиджак, я также впервые вывела «в свет» купленный в Париже плащ.

Город нас покорило отсутствием толп туристов, видом величественного собора, невероятной чистотой и центральной частью города со зданиями в стиле art nouveau.

– Будем говорить по-французски? – спросила я, и после его согласия продолжала. – Я очень мало знаю о твоей семье. Ты вскольз упоминал про сестер, но про родителей – ничего, – задумчиво поинтересовалась я.

– Мои родители в разводе. С отцом я не общаюсь уже много лет, а с матерью – уже около года, так что не о чем мне особо рассказывать, – выпалил Мартин.

– Хорошо, я не настаиваю. Наверное, это не мое дело, но должны быть очень веские причины для того, чтобы прекратить общение с матерью.

К моему удивлению, Мартин не только начал делиться, но, похоже, увидел во мне друга, которому можно выговориться по болезненному вопросу. Я напряженно слушала, и благодаря тому, что мы общались на его родном языке, я в первый узнала многие деликатные подробности из его жизни.

– То есть сейчас вы почти не видите? – спросила я.

– Мы не общаемся с Рождества. Мы поссорились, а потом она заявила, что больше не хочет меня видеть.

Я подумала о том, что черт бы побрал этих европейцев с их катастрофой в плане семейных ценностей – вот еще одно межкультурное различие, которое просто вводит меня в ступор. Я больше не стала заострять внимание на этой теме, потому про его отца я уже и не спрашивала, позже повернув тему разговора в другое русло, насколько мне позволяло знание языка.

Мы поговорили про некоторых его друзей и про спорт, а я отметила про себя, что Мартин оказался довольно ярким собеседником. От разговоров про его интересы, планы, и путешествия не веяло заурядностью. С моих глаз словно упала пелена – раньше я не замечала, что он добрый, чуткий, доброжелательный и, что немаловажно, готов выполнить любую мою прихоть.

Как только стемнело, Мартин пригласил меня в ресторан, и пусть сентябрьские вечера не такие теплые даже во Франции, мы расположились на летних столиках, согреваясь пледами

и теплом разговоров. В последний наш вечер, проведенный вместе во Франции, я решила для себя, что если в эту ночь он сделает попытку сблизиться, то я этому препятствовать не буду.

А в том, что он попытается, у меня не возникало никаких сомнений, ведь сегодня я выделяла в пространство сильные недвусмысленные флюиды, на которые, он, как мужчина, не мог не прореагировать:

«Как же мне хочется незабываемой ночи любви! – думала я. – Франция, ночь, двое в отеле», – думала я, при этом целомудренно укладываясь в постель в одежде, и приняв решение о том, что без его инициативы я не собираюсь так просто сдаваться.

Я проверяла почту в телефоне, позже и Мартин прилег на другую часть кровати довольно далеко от меня и даже прочел мне какую-то шутку в интернете. Но я никак не ожидала того, что произойдет дальше. Его рука потянулась ко мне как бы невзначай, а после он как-то неуклюже хлопнул ею по моему колену, и, произнеся «Спокойной ночи» и перевернулся спать на другой бок.

Я еще долго приходила в себя от недоумения, но позже невозмутимо погасила свет и приготовилась ко сну. Заснуть я долго не могла, учитывая свой фривольный вечерний настрой, но самое главное, что я совсем не понимала поведения этого человека. Другая бы и рада была, что дело складывается так, а не иначе, и улеглась бы и спала. Но только не я: благодаря природному любопытству и жажде докопаться до сути я не могла оставить эту эту двусмысленную ситуацию без развязки.

Час или больше тянулись мои размышления, сначала я думала, что Мартин еще не спит, но позже я услышала характерный храп. «Это совершенно никуда не годится», – я встала и походила по комнате, а в туалете даже опрокинула что-то. Цель достигнута: Мартин проснулся.

– Ты не спишь. – сказала я утвердительно и очень уверенно, вернувшись в постель.

– Нет, – не очень уверенно, но вполне заинтересованно произнес он.

– Тогда поцелуй меня.

Не прошло и полсекунды, как он был на моей стороне кровати, гладил мое лицо, а потом подарил один из самых долгих, нежных и чувственных поцелуев. В нем было столько нерасстраченной нежности, а главное, некой неожиданной целомудренности и искренней чистоты.

Интересно, почему иногда проводя ночи, а иногда и месяцы с чужими, в общем-то, людьми, ты не становишься даже самой маленькой поворотной точкой в их жизни. А с другим человеком и один поцелуй может изменить все, поставить все с ног на голову и стать новым отсчетом в течении его жизни.

Вот так и получилось у меня с Мартином – в ту ночь я спокойно могла обойтись без изменения статуса наших отношений, особенно учитывая то, что он имел столько возможностей меня поцеловать, но не решался этого сделать. Логически я понимала, что он не подходит на героя моего романа, и для меня это было очень похоже на летнее увлечение. Но только не для него.

С другой стороны, я настолько устала быть одинокой, что простое проявление нежности было намного более приятным, чем целая ночь любви. В тот вечер меня попросту пленила его нежность, и никакого другого объяснения своему поступку у меня не было.

Утро мы провели в объятиях, но, несмотря на то, что к хорошему быстро привыкаешь, подниматься на завтрак надо было рано. Мы очень лениво спустились на первый этаж, щурясь от ярких утренних лучей.

Зато буфет в этом забытом богом отеле была первоклассный: в ряд стояли маленькие резные столики, накрытые кружевными скатертями и картинами в классическом стиле на стенах. Ничего не было приятнее того, чтобы начинать свой день в такой обстановке.

«Месье-дам», – обратилась к нам администратор, а мы задорно хихикали из-за того, что к людям можно обращаться, как в романах девятнадцатого века. Мартин, чей родной язык

был французским, также не меньше удивился обращению, видимо, в Бельгии оно считается пережитком прошлого. Не менее прекрасным был завтрак на столе: круассан, хлеб, масло, конфитюр и обязательно сок к кофе или чаю; все это создавало впечатление неторопливого наслаждения, умиротворения и безмятежности.

Позже, когда мы уже начали встречаться, я однажды вернулась в разговоре к поездке в Реймс для того, чтобы узнать его мнение о нашей первой ночи, проведенной вместе:

– Если бы я в ту ночь не проявила инициативу, то вряд ли мы сейчас были вместе! – моя реплика звучала провокационно, но мне действительно хотелось знать, что он об этом думает.

– Не преувеличивай. Просто во время нашей поездки у меня не было подходящей возможности как-то заявить о своей симпатии.

– Потому что не напились как следует ни разу, – ерничала я.

– Но я знал, что такой момент наступит.

– А если бы не наступил?

– Пришлось бы пытаться в последний момент.

– А я думаю, что из-за твоей природной скромности, ты бы и в последний момент не решился.

В таком разговоре Мартину также пришлось проявить и свой природный такт, поэтому что, в конце концов, он вышел из него победителем:

– Скажем так: я подготовил почву для сближения на девяносто пять процентов. А остальные пять оставил на твое усмотрение.

На следующее день после обеда времени у нас не оставалось ни на что другое, как собраться и поехать в Париж и попрощаться на той же станции Port Maillot, откуда уезжали автобусы в аэропорт. Мы долго стояли, обнявшись, а я не сомневалась, что при прощании, Мартин скажет мне, что приедет во Львов. Так и произошло:

– Я сейчас очень много работаю, потому мне без проблем дают отгулы. Я бы очень хотел приехать к тебе в октябре, на выходные. Так что, когда ты вернешься домой, нам останется только выбрать дату.

– Конечно, – загадочно улыбнулась я, – все мои выходные в октябре будут свободны для тебя. Просто приезжай.

От такого ответа Мартин растаял. Думаю, это решение он принял буквально утром, впрочем, когда мы еще были друзьями по переписке, то обговаривали возможность его приезда.

Мы попрощались. Я ограничилась только кратким поцелуем в губы. Не знаю почему, но сентиментальные поцелуи на вокзалах и других публичных местах я считаю уместными лишь для очень близких людей.

Я уехала с четким, мало осознаваемым чувством, которое можно уместить в фразу: нам нравится не сам человек, а те чувства, которые мы испытываем рядом с ним. Мне кажется, что до сих пор, когда я вспоминаю Мартина, то каждый раз чувствую безмятежность и величие незабываемого заката на Эйфелевой башне, запах круассанов теплым парижским утром, спокойствие и уверенность, с которыми он не давал мне затеряться где-то в узких улочках Парижа. За всем этим концентратом впечатлений и эмоций я вряд ли видела и чувствовала его как человека.

Тогда я подумать не могла, что для меня эта легкая, как мне тогда казалось, связь также станет непростым испытанием для нас двоих.

ГЛАВА 6

Черно-белые сны

Я всегда думала, что слова любви мне будут сказаны по-французски. Потому никогда бы не подумала, что моим мужем станет англичанин. К чести Марка (а так звали моего будущего мужа) стоит сказать, что французский он знал, но признавался мне в любви и делал предложение руки и сердца по-английски. Это случилось в Париже.

После учебы мы переехали в Лондон, мы жили в просторной квартире с видом на реку. Я даже полюбила туман, в нем я видела особую понятную только мне эстетику. Просто все любят похандрить время от времени. В Париже туман никогда не выглядел так поэтично.

Наша свадьба было достаточно скромной по современным и старомодным меркам. Мы венчались в церкви в древней англиканской церквушке, потому что в то время, когда я выходила замуж, это значило много в духовном смысле.

На браке настояли мои родители. Марк должен был идти в армию сразу же после окончания аспирантуры, поэтому моя мать боялась, чтобы я не осталась без мужа в эти страшные военные годы. Мне только исполнилось двадцать, до конца учебы оставалось два года.

Но что-то безвозвратно изменилось во мне после последней поездки в Париж, словно езда на карусели вскружила мне голову. Я была еще совсем ребенком, почитающим родителей и супруга, поэтому ничего не собиралась менять и плыла по течению.

КАРУСЕЛЬ НАБИРАЕТ ХОД

Время года – октябрь, возраст – тридцать лет, семейное положение – учу французский.

Париж вернул мне ощущение того, что я настоящая женщина – такая капризная, парящая, немного легкомысленная и загадочная. Эта поездка стала для меня периодом, которому я придумала название «осознанное наслаждение» – четко ощутимое подтверждение тому, что именно я ответственна за создание радостных моментов в своей жизни. Именно эту мысль и пыталась втолковать мне Кристин, отстаивая свою позицию в дискуссии «случай vs. план».

Собственно, Кристин я встретила через две недели после путешествия. Захватывающее чувство влюбленности полностью захватило мою жизнь, стало ее постоянным и несменным фоном. После Парижа, к которому моя любовь неизменна, похоже, столетиями, правдой будет сказать, что чувство влюбленности в некой мере вызывала во мне и Кристин. Я целиком и полностью поддерживаю идею о том, что в окружении людей со схожей энергетикой и харизмой, чувствуешь себя приподнято, а это так похоже на влюбленность. В конечном итоге, влюбиться можно в друга, в жизнь, в себя.

Мои размышления прервал звонок в дверь. Как же я рада видеть Кристин, особенно в редкие случаи без Луи.

– Salut! – мы поцеловались в щеку два раза, – Я принесла кальян. Пока хорошая погода, можно мы посидим на твоём балконе?

На солнышке пригревался petit ourse, а мы с подругой чувствовали себя также по-кошачьи расслабленно и беспечно. Так как Кристин не могла держать свои впечатления в себе, то сразу же выдала историю очередного свидания с Сашей.

– Никаких решительных шагов! – негодовала подруга, – Обычно, мне нравятся более решительные мужчины, но в этом случае, я просто млею из-за того, что Саша такой невинный. И неопытный. И красивый! – Кристин как всегда была красочно эмоциональна.

– Был бы Саша зрелым и решительным, не жил бы в одной квартире с родителями! – отрезала я.

Кристин ответила:

– Это не его вина, конечно, что у вас принято жить с родителями даже в самостоятельном возрасте. Но если бы я оказалась на его месте, то гадала бы день и ночь, как поменять что-то в своей жизни.

В те октябрьские дни мы с Кристин часто беседовали на кухне или на открытом балконе за столиком. Тем для разговоров у нас всегда хватало, а в последнее время прибавились бытовые обсуждения про ее переезд. Проговорив с Кристин важные моменты насчет съема комнаты и обсудив все рутинные и финансовые моменты, мы наконец смогли вернуться к своим сокровенным разговорам по душам. Для меня эти разговоры стали утопией – правильно и красиво было ощущать такую степень яркости эмоций, способную проявиться между людьми.

Кристин была активной рассказчицей и также, не спеша, одна за одной, раскрывала свои карты:

– Несмотря на то, что я проплатила своей маман квартплату по ноябрь включительно, я очень хочу переселиться к тебе до этого срока. Я так рада, наконец, что я буду жить в центре города, возвращаться домой, когда мне удобно и просыпаться за двадцать минут до лекции в университете! – Мы засмеялись, потому что обе считали, что последний аргумент более решающий, чем остальные.

– Но у меня будет к тебе еще одна просьба, – продолжала подруга, – дело в том, что мой парень Франсуа приезжает ко мне в конце октября.

Я немного оторопела, так как еще совсем недавно мы говорили о том, что Кристин собирается на свидание с Сашей, а тут такой поворот событий. Я решила не выражать чрезмерной реакции, тем временем подруга продолжала:

– Я бы хотела бы поселиться у тебя на несколько дней раньше. Позже мы уезжаем на четыре дня в Краков, и потому именно первого ноября я вселиться не смогу.

– Не вижу проблем, – я даже удивилась ее вопросу. – Вам тут будет спокойней и уютней, чем у твоей маман, да и я, наконец, найду себе компанию. Да и я уже порядком устала от жизни в одиночестве.

– Мы уживемся! – уверенно заявила Кристин, – Я пью алкоголь только по праздникам, совсем не курю сигареты, хотя время от времени балуюсь кальяном. А еще я феминистка! – выпалила на одном дыхании Кристин и снова рассмеялась. Надо сказать, что мы как и прежде смеялись по поводу и без, просто потому что нам было хорошо находиться в обществе друг друга.

Открытость Кристин мне нравилась, и я почувствовала минутным внутренним озарением, что мы действительно уживемся вместе. От этой мысли мне стало на душе радостно и светло

– А как твой парень реагирует на то, что ты феминистка? – поинтересовалась я.

– У него нет выбора, в ином случае, он никогда бы не стал моим парнем! – пошутила Кристин. Надо сказать, что она всегда реагировала очень ярко на то, когда собеседники поднимали тему феминизма, поддерживала любой разговор или дискуссию, яростно аргументируя.

Я поделилась своим наблюдением:

– Я бы не называла себя феминисткой, хотя мне очень нравится быть в окружении сильных и уверенных женщин. Таких, как ты, например.

– Я удивлена, что пока еще не знакома ни с одной украинской феминисткой.

– Они здесь есть, конечно, – отвечала я. – И их количество будет расти, следуя общемировым тенденциям, просто не так быстро, как тебе хотелось бы.

– Но неужели проблемы патриархального общества, домашнего насилия и дискриминации не очевидны? – я видела, что Кристин уже собиралась спорить, а это в мои планы не входило.

– Если ты спросишь меня, то мне просто чужда идея того, что меня будет кто-то защищать. Я могу дать отпор неприятностям сама, хотя и не отрицаю тех проблем, которые ты перечислила.

– Хорошо, что ты такая сильная! – радовалась Кристин

– Впрочем, одна из проблем, которую я для себя не решила – это домашнее хозяйство. Я вижу, что большинство городских женщин, которые работают, также занимаются и домашним хозяйством. Для меня важно мое свободное время, потому решения этой проблемы я для себя не нашла. Хотя, пока у меня нет семьи, задумываться об этом рано.

– О, это не моя проблема! Мое личное время – для меня превыше всего! – воскликнула Кристин.

На этой реалистичной ноте, Кристин засобиравшись домой, а я снова принялась за основательную уборку всей квартиры, потому что через несколько дней мне предстояло принимать дома своего молодого человека.

За несколько дней до приезда Мартина погода оставалась такой же солнечной, я же находилась в сладком предвкушении. В аэропорт я опоздала, но только благодаря некоторой заминке на паспортном контроле я успела встретить Мартина, выходящего из здания аэропорта:

– Извини за опоздание, – я подлетела к нему, и мы поцеловались два раза в щеку.

– Все хорошо, я только что приехал, – лицо Мартина выглядело уставшим, но темные глаза тепло светились счастьем от состоявшейся долгожданной встречи. Как и в одно памятное парижское утро с запахом кофе и круассанов, я снова оценила его привлекательность, которая очень часто проявлялась несмело. В тот вечер я сразу же почувствовала знакомые мне флюиды обожания и поклонения, так щедро излучаемые им в мою сторону.

В такси расплатилась я, несмотря на его уговоры вернуть мне деньги, как только он их разменяет, а мне осталось только отшутиться, припоминая его уроки гостеприимства и щедрости в Париже. Мартин был без ума от простой еды, которую я для него приготовила, сама же я почти ничего не ела, хоть и устала от стирки и уборки за целый день. Надо сказать, я была очень рада его приезду, как была бы счастлива наконец увидеть давнего хорошего друга. Меня не покидало это ощущение, оно было спокойным, ровным и не вызывало ни переворотов, ни внутренних страстей. Подобное блаженство я испытывала, гуляя по парку в Брюсселе или неспешно шагая изящными улочками Монмартра, впрочем, бабочек в животе и ощущение разрывающегося от радости сердца, так и не появилось.

Мы пообедали и неспешно прошли в мою комнату, где по дороге я неожиданно чмокнула его в щеку, а он взял мою руку в свою. Уже в комнате он просто обнял меня, транслируя ощущение того, как он скучал по мне, несмотря на то, что мы виделись меньше месяца назад. Мне было приятно его объятия, но Мартин не спешил приступать к решительным действиям, тихо наслаждаясь сладостью встречи после вынужденной разлуки. Чуть позже мы даже успели задремать в объятиях друг друга, и, скорее всего, так и пролежали бы до ночи, если бы не зазвонил телефон. Это была Кристин:

– Чем вы там занимаетесь? – хитро спросила она звонким громким голосом так, что, наверное, и Мартин тоже услышал через динамик телефона.

Я даже растерялась от того, что ей ответить, но в конечном итоге сообразила:

– Ужинаем, но пока находимся дома. Собираемся выйти в центр. Ты к нам присоединишься?

– С удовольствием. Но сейчас я нахожусь в кафе с Сашей.

По пути в центр я рассказывала Мартину новости, которые он и так знал из нашей переписки, но обсуждать их лично было намного приятней и эффективней. Я часто рассказывала про Кристин и с помощью этих разговоров транслировала информацию о себе, своем окружении, узнавая его мнение о значимых для меня вопросах, которые в начале отношений не так просто обсудить напрямую.

Например, дружба Кристин и Саши, которая шаг за шагом переставала выходить за рамки дружбы. На этом этапе отношений они оба были заинтересованы в сближении, несмотря на то, что у Кристин был парень во Франции. Я обрисовала Мартину ситуацию в двух словах, не требуя никаких комментариев. За этой беседой мы неспешно подошли к ратуше, но Кристин еще не было, она опаздывала. Надо сказать, я очень хотела познакомить Мартина с Кристин самый первый вечер для того, чтобы узнать ее выводы о нем, как о моем потенциальном партнере.

Кристин, наконец, явилась на встречу вся светясь от счастья и поблескивая глазами. Так я наконец познакомилась с Сашей – он проводил Кристин на встречу с нами. После того, как я прослушала многочасовые диалоги об этом персонаже (а это, кстати, ускорило мое понимание французского), я искренне не понимала, почему они ни разу даже не поцеловались по-настоящему. Впрочем, после поведения Мартина в Париже, я уже ничему не удивлялась.

Как и ожидалось, я увидела скромного интеллектуала, как и тысячи других трудящегося на благо аутсорсинговых IT-компаний города Львова. Надо сказать, что Саша был неплох собой, но безнадежно скромен и застенчив. Еле-еле пролопотав слова приветствия, он ушел почти сразу же, попрощавшись с нами до воскресенья, когда у нас был назначен совместный поход в Оперу.

Не дав нам опомниться, Кристин решила не терять времени:

– Я Кристин, – сказала она по-французски, – а ты Мартин?

– Oui, enchanté.

– У тебя совершенно нет бельгийского акцента, – засмеялась Кристин, а после того, как были выяснены вопросы, на сколько дней он приехал, был ли до этого в Украине, предложила найти место, чтобы присесть и вместе пообщаться. Мы прошли буквально несколько метров для того, чтобы расположиться за уличными столиками, которые уже становились редкостью в октябре.

– Чем ты занимаешься? – Кристин задавала вопросы в свойственной ей непосредственной форме, не прекращая улыбаться, так, что никто бы и не заподозрил в этих вопросах бесцеремонности. Впрочем, я давно заметила, что западноевропейцы и, в частности, французы довольно охотно включаются в разговоры про занятость:

– Я работаю представителем фармацевтической компании, – ответил Мартин.

– О, наверное, ты хорошо зарабатываешь! – еще одно непосредственное проявление любопытства, которое Кристин совершенно не пыталась завуалировать.

– Думаю, медики, зарабатывают больше, – бесхитростно ответил Мартин, – а я всего лишь представитель.

Мартин охотно принялся отвечать на вопросы про его деятельность и обязанности по работе, но в то время мое понимание французского еще не было идеальным, потому воспроизвести этот разговор я не могу.

– А твои родители откуда? – Кристин не собиралась прекращать расспросы.

– Из Бельгии, – ответил Мартин, но сразу уточнил. – Они оба родились в Бельгии, но у отца корни из Конго. Я, как и они, родился в Брюсселе.

Надо сказать, что черные глаза и темные курчавые волосы выдавали неевропейские корни Мартина, но при этом его кожа была не более смуглой, чем у большинства украинцев. Насколько я знаю, родился он действительно в Бельгии, а смешанные браки в Европе – уже

скорее правило, чем исключение. Мне неудобно было спрашивать об этом в первую встречу – так меня воспитали.

Наконец, мадам следователь немного ослабила допрос и мы перешли к темам более приземленным. Кристин также довольно подробно рассказала о том, чем она занимается в Украине, где учится. Она, по привычке, щебетала без остановки, выдавая тонны информации, а также не без радости поделилась тем, что скоро собирается жить со мной в одной квартире:

– Не могу представить, как я рада, что буду жить у ma chère Марго уже через две недели.

– У Марго отличная квартира, мне и вправду там очень понравилось. Может, зайдешь к нам завтра? – поинтересовался Мартин.

– Завтра я еду с Сашей свадьбу его коллег в село недалеко от Львова. Тут в Украине все по-другому, и мне не терпится увидеть, как отмечают бракосочетание, какие здесь традиции, – щебетала подруга, но за ее словами я четко видела найти способ сблизиться с Сашей, что же еще? Этот план был отличным поводом для развития отношений, я это отлично понимала, но пока воздержалась от комментариев.

– Но мы обязательно увидимся в воскресенье в Опере, а перед этим можем сходить выпить что-нибудь, – подвела итог нашим планам я.

Чуть позже, когда Мартин отвернулся, Кристин подмигнула мне, не переставая улыбаться: по ее реакции я поняла, что первый экзамен и испытание мой молодой человек прошел на отлично.

Совсем скоро Кристин засобиравлась домой, чтобы успеть к «комендантскому часу», а мы, погуляв еще немного по ночным освещенным улицам, также направились к дому.

Утром Мартина ждал завтрак в французском стиле, подсмотренный мною в отеле в Реймсе, а меня – обожание и восхищение в его глазах. Честно говоря, эти несколько дней пронеслись настолько быстро, что я даже как следует не запомнила ни первой ночи, ни первого дня проведенного вместе. О чем это может говорить? Сейчас я понимаю, что была рада его пребыванию у себя в гостях, как дружескому визиту, не более того. Однозначно, в лучах его внимания я чувствовала себя приятно и комфортно, но никакого озарения или сильнодействующего, почти наркотического эффекта на меня его приезд не произвел.

Насколько я помню, в те дни погода стояла просто отличная, в субботу после его приезда нас ждал целый день осмотра достопримечательностей, уютные ресторанчики, вкусное пиво – замечательная программа посещения осеннего Львова на выходные.

– Прекрасное место, я хотел бы вернуться сюда еще не раз, – и его глаза снова засияли надеждой и обожанием.

Наступило воскресенье, последний день пребывания Мартина у меня в гостях, а на следующий день утром его ожидал обратный рейс. Я готовилась к походу в театр, примеряя, в чем можно гулять по городу, а позже пойти в театр. Позже я выбрала классическое маленькое черное платье, и темные полусапожки на низком каблуке. Когда я отошла от зеркала, то увидела в глазах Мартина неподдельное восхищение, граничащее с потрясением, и подумала, что, возможно, я самая красивая его девушка из тех, которые у него были. То, что это было правдой, не вызывало никаких сомнений, судя по его реакции.

Перед спектаклем я назначила встречу в кафе с Кристин, для того чтобы предварительно познакомить Луи с Мартином. Я написала Кристин сообщение для того, чтобы не беспокоить ее звонком с утра после бурного празднования свадьбы. Впрочем, через несколько секунд зазвонил телефон:

– Я просто не знаю, что делать! – эмоциональность Кристин, как всегда, зашкаливала. – Ты не поверишь, что произошло! Через две недели приезжает мой парень из Франции, а в это время на свадьбе я целуюсь и танцую с другим парнем здесь, в Украине!

Я рассмеялась:

– А я думала, что это только в фильмах показывают французские страсти, – я даже не пытаюсь выяснить детали, потому что эта информация меня ни капельки не удивила.

– Я позвоню Луи, скажу ему прийти в кафе немного позже. Мне надо с тобой посоветоваться насчет того, что происходит в моей личной жизни.

– Хорошо, но дело в том, что я целый день буду гулять с Мартином, и вряд ли могу прийти без него.

– Меня это совсем не смущает. Надеюсь, Мартину можно доверять, хотя он и так скоро уедет. А вот Луи эти подробности знать совсем необязательно!

Пока мы когда мы неспешно подходили в назначенное время в кафе, я получила сообщение от Кристин, которое заставило меня рассмеяться:

«Луи, как всегда, ничего не понял! Или же он преследует меня везде! Одним словом, мы в нашем кафе», – я прочитала сообщение вслух Мартину.

– Кто такой Луи?

– Луи Гаррель. Шучу, конечно. Наш ливанский друг Алим, просто он очень красив. В любом случае, Кристин уже выбрала Сашу, так что шансов у него нет, – ответила я, также объяснив Мартину, что такое поведение Луи, когда он что-то плохо понял, перепутал, или интерпретировал по-своему – скорее правило, чем исключение.

Встреча прошла радушно: Мартин и Кристин обрадовались друг другу, словно были старыми закадычными друзьями. Луи, как всегда, был всем доволен, а особенно его порадовал тот факт, что с Мартином можно поговорить по-французски. Кстати, Мартин проявил себя как настоящий джентльмен: узнав о предстоящем личном разговоре, он сразу же пересел на другую сторону стола поближе к Луи, занимая его рассказами, а за это время у нас с Кристин появилась возможность пошептаться:

– Мне нравится Саша, и я теперь не знаю, что мне делать. Скоро приедет Франсуа, и я проведу с ним десять дней, – подруга была явно обескуражена происходящим.

– Я правильно понимаю, что ты хочешь усидеть на двух стульях? – задала я закономерный вопрос.

Кристин удивилась:

– Не совсем так. Я очень переживаю, как у нас сложится с Франсуа. Дело в том, что совсем недавно у нас возникли разногласия, потому что первоначально у меня был план пробыть в Украине четыре месяца. Он смог с этим смириться, но сейчас речь идет о восьми-девяти месяцах, и, конечно, когда он узнал об этом, то был очень недоволен. С тех пор у нас начались проблемы.

– Я думаю, что по его реакции или по каким-то другим моментам, которых я пока не знаю, ты пришла к выводу, что тебе в вашем общении чего-то не хватает. Иначе не искала бы общения с другим.

– Марго, c'est génial! А я мучилась и не могла собраться с мыслями, чтобы понять, что именно происходит. Но в свое оправдание хочу сказать, что я не самая верная девушка в мире! – И она звонко рассмеялась.

Не смотря на ее смех, тон, которым я вынесла свой вердикт по поводу этой ситуации был достаточно строгим:

– Думаю, что если ты хочешь и дальше общаться с Сашей, тебе придется сказать ему правду. Понимаешь, он не выглядит искателем приключений или бабником. Тебе все равно придется придумать, почему ты не сможешь с ним видаться эти десять дней, а если уже говорить – то что-то максимально приближенное к правде.

– Легко сказать! – простонала подруга.

– Знаю. Но и ты должна понимать, что наш город не такой уж и большой и ты с Франсуа, постоянно гуляя где-то в центре, если и не переселся с Мишей напрямую, то обязательно встретишься с кем-то из его окружения. Подумай об этом!

– Ты права, как всегда. Тогда попробую сказать, что ко мне приезжает мой бывший и что мы расстались как раз перед отъездом. Билет в Украину он брал заранее, когда мы были вместе. Звучит правдоподобно?

– Я бы не поверила, но тебе пожелаю удачи.

Я посмотрела на Мартина, который беззаботно болтал с Луи, отлично выполняя роль дипломата и посредника. Я даже отметила про себя, что рада тому, что я сама не создаю себе таких проблем, как Кристин. Я просто пригласила Мартина в гости, и он приехал, и хотя сейчас еще рано о чем-то говорить, вполне возможно, у нас все получится.

В тот теплый на душевные разговоры и романтику вечер, я бы не смогла предположить что через месяц-другой буду испытывать такие же трудности, что и Кристин сегодня. Закрутившись на одной карусели, события в наших жизнях помчались синхронно, вызывая схожесть во многих ситуациях и явлениях.

В Опере мы расположились в разных рядах: я с Мартином и Луи отдельно, а Кристин с Мишей – на балконе. Гости не могли не восторгаться величиим и роскошью оперного театра, потому первые минуты посещения неотрывно смотрели по сторонам, не скрывая удивления. Луи выражал самую бурную заинтересованность, оно и неудивительно, ведь его могла привести в восторг любая незначительная мелочь или деталь, не говоря уже о грандиозности огромного исторического здания.

Во время представления Мартин взял меня за руку и не отпускал. Мне, конечно же, был приятно такое проявление внимания и признательности за организацию его поездки. В это же время, в другом ряду в паре между Кристин и Мишей также происходили нешуточные страсти:

– Представляешь, – жаловалась мне на следующий день Кристин, захлебываясь словами, настолько она была поражена, – мы сидели во время спектакля, взявшись за руки. Вдруг я захотела как-то проявить свою нежность к нему, потому поцеловала его пальцы. Ты не представляешь, с какой силой он одернул руку. У нас во Франции этот жест также достаточно интимен, но абсолютно приемлемый между мужчиной и женщиной, которые друг другу нравятся.

– А у нас, скорее всего, только мужчины время от времени целуют руку женщине, хотя такое поведение уже, наверное, скоро станет раритетом.

– Странный персонаж. Вчера мы целуемся и танцуем, сегодня он с недоумением и ужасом одергивает свою руку. Надеюсь, что это от культурных различий, а не от отвращения.

Я немного охладила подругу:

– Не перегибай палку в своих подозрениях, ты его просто запугала. Тебя стало слишком много, усьми немного свой пыл!

– Ты права. Тем более приезд Франсуа не за горами.

Сразу после выхода из Оперы на нас налетела Настя. Честно говоря, в самом начале нашего общения я не всегда ее жаловала за чрезмерную активность и общительность, а в театр мне также не хотелось ее приглашать из-за того, чтобы она не распространяла сплетни по всем общим знакомым, что у меня теперь парень из Бельгии.

Настя также ожидала увидеть только Кристин, которую она хотела отвести в ночной клуб:

– А давайте пойдем на сальсу, – мы с Кристин уже столько раз слышали эту песню, что даже перестали реагировать.

– Мартин очень любит сальсу, – подшутила я.

– Что, серьезно? – удивилась Настя.

Слава Богу, Мартин не растерялся:

– Вообще-то нет, но у меня есть друг, который ее просто обожает. Он живет в Брюсселе, но уже давно мечтает о том, чтобы приехать в Украину.

– Неужели Сэм? – повеселела я.

– Да, а как ты догадалась?

– Просто не знаю никого более универсального. Он знает и умеет абсолютно все в этой жизни.

– Это правда, он очень классный. И действительно многое знает и умеет, такого, как он еще надо найти, – похвалил друга Мартин с хитрой улыбкой, а позже вечером мы обсуждали коварный план, как под Новый год познакомить Настю с Сэмом, ведь они оба были одиноки и одинаково непосредственны и уверены во многих своих проявлениях.

Кстати, идея провести этот Новый год в Украине была озвучена Мартином во время его приезда. Он предложил обдумать этот план, так как имел возможность взять отпуск на новогодние праздники для новой встречи со мной.

– На днях мы как раз обсуждали с Кристин и Луи возможность провести новогодние праздники в Карпатах, – с легкостью ответила я, ни на минуту не задумываясь о последствиях такого скоропалительного ответа. Кто тогда мог догадаться, что это была моя роковая ошибка.

Мартин был в восторге от идеи, а у меня даже ничего не пошевелилось внутри, хотя я очень часто полагаюсь на свою интуицию. Просто в те дни, когда я задумывалась об этой далекой перспективе, я представляла себе этот праздник в дружной компании друзей теплом коттедже с камином. Общаясь с Мартином в тот момент, озвучивая эту идею вслух, я думала о нем как о хорошем друге, даже не как о любовнике, и тем более, не как о мужчине всей своей жизни.

Сейчас я понимаю, что после четырех лет одиночества, мне нужно было испытать всю эту гамму чувств, а он готов был ее спровоцировать. Со временем пришло понимание того, что наша неожиданная гармония проявилась лишь как результат притяжения двух личностей, ищущих дополнения себя снаружи, а не внутри. Наше стремление к светлому, искреннему и сильному чувству вовсе не было отражением наших внутренних потребностей, велений душ. Мы словно искали сокровища в темноте далеких пещер наощупь, вместо того, чтобы пытаться найти эти сокровища в себе.

Однажды, уже после отъезда Мартина, мы, как обычно, обменивались сообщениями в интернете, и я решила проявить знаменитое женское любопытство, расспросив его о личной жизни до появления в ней себя. Не то, чтобы я хотела себя сравнивать себя с кем-либо, просто мне была интересна причина его первоначальной сдержанности по отношению ко мне.

Мартин ответил невозмутимо, было видно, что он хотел избежать этой темы в разговоре, но природная учтивость и трепетное отношение ко мне не позволили ему этого сделать. И потому, дабы не показаться необщительным или скрытным, он ответил довольно уклончиво:

– Моя юность была тяжелой и сначала у меня даже не было времени на общение с девушками. Ты знаешь, что мои родители развелись, – начал он издали.

– Знаю, ты мне говорил, только как это между собой связано?

– Так, что сначала я учился, работал и помогал семье, чем мог. А после учебы у меня был жуткий период депрессии, и таким я не был нужен ни одной девушке. Так что встречаться с девушками я начал поздно и их не было много.

Я не удивилась, услышав такой ответ, ведь и в эпоху вседозволенности встречаются стеснительные люди, и это скорее зависит от особенностей характера и темперамента человека, а не от страны проживания. Так получилось, что такой старомодный персонаж попался именно мне, потому я не знала радоваться или грустить по этому поводу. В тот момент разговора меня беспокоило не совсем не это, а его вскользь брошенная фраза про жуткие депрессии.

– Тебе не о чем переживать, потому что для меня это уже давно пройденный этап, – отвечал Мартин насчет моих опасений. – Я давно нашел другие ценности в жизни и перестал себя жалеть.

Я вздохнула с облегчением, хотя именно такие странности я посчитала еще одним культурным отличием. Например, люди, которые живут в глухой украинской деревне, где до сих пор вода набирается из колодца, несомненно, имели бы все предпосылки для отчаяния. В моей

голове не укладывалось, что можно впасть в депрессию живя в развитой европейской стране, перемещаясь по большей части мира без границ и виз. Я постаралась озвучить Мартину эту точку зрения, только в очевидно более мягкой форме.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – ответил он, – сейчас мне и самому это кажется невероятным, но в то время я и не пытался путешествовать, закрываясь в своем тесном убогом мире. Я не знал, что мир так прекрасен и разнообразен, и что, путешествуя, можно встретить такую девушку, как ты.

В последний день его пребывания, приехав в аэропорт, мы увидели немалую очередь к стойке регистрации, чем сразу вызвало недоумение Мартина. Для меня, жительницы неевропейского пространства эта ситуация не вызвала удивления – так как я всегда стою в очередях для того, чтобы работники авиакомпании проверили визу и зарегистрировали на рейс.

Немного раздраженный, Мартин встал в общую очередь, но уже через несколько минут словно и думать забыл о секундном недовольстве:

– А ты не хочешь приехать ко мне в гости еще до Нового года? – спросил он меня.

– Вряд ли, – задумчиво протянула я. – Я тебе говорила, что моя шенгенская виза заканчивается через месяц.

– Да, я знаю, но проверь билеты на всякий случай. Думаю, в ноябре в Бельгии нет такого наплыва туристов.

– Посмотрим, ничего не обещаю сейчас, – для меня такой ответ означал «Нет», но не в самом категоричном варианте.

Мы попрощались, а я слушала уверения Мартина о том, что мы скоро обязательно увидимся. В тот момент мне этого очень хотелось, и я была рада, что его приезд заставляет его задуматься о наших последующих встречах.

– Я не могу долго прощаться с тобой, – вдруг неожиданно произнес Мартин, – мне было очень приятно тебя увидеть. Я поехал. – И на прощание клюнув меня в щеку и одним движением подхватив свой багаж, он внезапно отошел, шагая быстрым шагом по направлению к проверке безопасности. Это выглядело очень эмоционально, особенно учитывая то, что она находилась в другой части аэропорта. Наблюдая через стекла здания аэропорта за тем, как Мартин возвращается назад и находит нужный вход, я подумала о том, что слишком быстро он подхватил «синдром Луи», раз моментально стал таким рассеянным!

Вспоминая осень 2012, мне кажется, что это было счастливое и беспечное время. Жизнь была интересна и наполнена событиями, фоном проносилось ощущение важности всего происходящего, а также некой фантастичности и сказочности от того, что мечты вот-вот-начнут сбываться. Не зря говорят, что наибольшего счастья человек достигает в предвкушении.

Характеризуя свою личность и те изменения, которые внезапно ворвались в мою жизнь, я думаю, что я как никогда была так близко к идеалу – реальному или иллюзорному, теперь это неважно. У меня была мечта, уверенность в правильности выбранного пути, отличная подруга, у которой я училась смелости, уверенности и спонтанности, в то время как она перенимала от меня рациональность, сдержанность и стойкость. А главное, за столько лет одиночества у меня появилась надежда на личное счастье – прочное и стабильное.

ГЛАВА 7

Черно-белые сны

Марк пробыл на войне около года, и ему повезло: он вернулся живым. Я была невероятно рада увидеть его после серьезного испытания, выпавшего на нашу молодую долю. Я была безмерно счастлива, потому что в этом юном возрасте потерять мужа было бы бессмысленной.

Но мысли о Париже и беззаботной жизни с привкусом круасана и не давали мне покоя. Я любила Париж и соединила себя с ним. Так я писала своей дорогой Орелии:

«Сейчас, вспоминая себя, глядящую на Париж с высоты птичьего полета, я понимаю, что есть нечто особенное в воздухе этого города, влияющее на сферу чувств и эмоций. На высоте чары магического Парижа заметно усиливались – несмотря на внушительные размеры, этот огромный мегаполис каждый год заставляет сердца миллионов людей биться немного быстрее.

Мои отношения с Марком я могу уместить в одну фразу: нам нравится не сам человек, а те чувства, которые мы испытываем рядом с ним. Мне кажется, что я чувствую уверенность, безмятежность и спокойствие и уверенность, но за всем этим концентратом впечатлений и эмоций я вряд ли вижу и чувствую его как человека».

Марк был мне лучшим другом, не более.

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Кристин рассматривала фотографии с выставки ретро автомобилей, распечатанные в черно-белом формате, и делилась впечатлениями от моего образа:

– По моим ощущениям, ты более француженка, чем многие мои друзья и подруги. Причем, дело не во внешности, здесь что-то другое. Ты обладаешь неким стилем, образом и классом, который мы, французы, уже растеряли.

Мне понравился этот разговор:

– Я чувствую на интуитивном уровне, что твое определение отражает часть меня. Я действительно становлюсь более элегантной, стильной, а главное – уверенной, когда подбираю и ношу эту одежду и аксессуары.

– Ты, наверное, жалеешь о том, что родилась в неправильное время?

Я задумалась:

– Нет. Благодаря этим образам меня есть укромное место внутри моего воображения, куда очень просто и приятно возвращаться, а еще – черпать вдохновение.

– Меня смущает то ситуация с правами женщин и то, что в то время ты была бы только украшением своего мужчины.

– А может, все было не так плохо? Может эта старомодность и есть та часть Франции, которую ты и твои друзья уже растеряли и так же, как и я читаете о ней лишь в книгах?

Не сдержав эмоционального порыва, я рассказала Кристин о черно-белых снах и о том, что начала писать свой сценарий следуя лишь их подсказкам. Не прерываясь, я на одном дыхании призналась, что в этих снах слишком много настоящей меня, той, которую мне так необходимо найти и склеить из призрачных осколков, неважно являются они памятью, фантазией или снами.

– И ты мне в этом очень помогаешь, – закончила я свою речь, ожидая вердикта.

Кристин и не думала удивляться:

– Терпеть не могу имя Орелия! – первым делом заявила она.

– Ты сейчас мне очень напоминаешь ее, – улыбнулась я. – Все эти словечки, жаргон, постоянные провокации!

– Марго, я в полном восторге! И мне совершенно неважно фантазия это или отрывки реальности. В жизни должно быть место необъяснимым вещам, а если они помогают раскрыть твой творческий потенциал, то я счастлива!

– Спасибо. Ты совершенна не должна относиться к моему творчеству как к доказательству того, что существуют прошлые жизни. Мне эта идея дает вдохновение, ты же можешь видеть ее как вымысел.

– Мне даже нравится, что ты сделала меня русской. Всегда чувствовала сантименты к этому языку.

– А мне всегда нравилось «скромное обаяние буржуазии». Хотя это скорее ностальгия по временам, в которых я никогда не жила!

– А смотря на твою грацию и надменность, я удивляюсь, откуда она взялась? Но описать нас манекенщицами? Марго, по-моему это уже перебор!

– Скажи спасибо, что не сделала нас танцовщицами Мулен Руж! – съерничала я.

– Видимо, описывая те времена, никуда не деться от описания женщин как объектов. Но таков мир моды и индустрии косметологии – они все хотят сделать нас лучше, чем мы есть. А у нас остается только два выбора – принять или бороться.

– А я всегда любила моду. В последние годы я могла себе позволить шикарные, насколько это возможно для моего кошелька, наряды. Их можно найти в комиссионках или интернет-магазинах, часто бывшие в употреблении, но, определенно, отменного качества.

– А косметика? Удивляюсь, сколько у тебя тюбиков и баночек по всей квартире!

– Косметика и духи, особенно французского производства, для меня фетиш! Я помешана на ароматах и баночках с кремами и обожаю ухаживать за собой!

– Как это на нас похоже! Ты любишь моду, элегантность и аристократизм, я – протесты, демонстрации и решение социальных проблем. Совершенно не понимаю, как мы могли познакомиться, и к тому же подружиться!

В свете этой информации отношение Кристин к моде и уходу за собой показалось мне забавным. В одно утро (это случилось уже после переезда) я, сонная, возилась на кухне, не заметив, как туда вошла Кристин. С непривычки, я опрынула: я забывала о присутствии квартирантки в доме, но дело было не в шуме, а во внешнем виде подруги. На ней была надета ночная рубашка, что совершенно нормально сразу после сна, и огромные экстравагантные тапочки-котики. Лицо подруги было вымазано черным, и, присмотревшись внимательней, я поняла, что это размытый по всему лицу вчерашний макияж.

– Кристин! – громче положенного выкрикнула я. – Ты меня напугала!

– А что случилось? – выпучила глаза подруга, от чего ее облик стал еще более комичным.

– Твой макияж, ты что, его не смыла? – вскрикнула я, настолько пораженная этим фактом.

– Нет, я вернулась домой поздно и почти сразу улеглась спать. А что?

– Я просто не представляю, как можно лечь спать, не смыв макияж!

– А это настолько вредно ложиться спать с макияжем на лице?

Я просто не нашлась, что ответить, насколько это было для меня очевидно:

– Конечно! Все остатки макияжа становятся отравой для твоей кожи, и ты держишь ее на поверхности своей кожи всю ночь. Ты рано постареешь!

– Я и не думала, что проблема в этом!

– Сейчас мы с тобой выйдем одногодками, хоть я тебя и старше. Но с таким успехом лет через десять я буду выглядеть младше меня, а ты окончательно загубишь молодость своей кожи!

Подруга засуетилась:

– Уже бегу смывать макияж!

– А крем у тебя есть? Дневной, ночной и отдельно для морозной погоды?

Пока я пыталась отойти от недоумения, Кристин уже вышла из ванной, вытирая лицо полотенцем:

– Сейчас же побегу в магазин за крем! Веришь, моя мама мне никогда не объясняла таких вещей, теперь я не удивляюсь, что она выглядит неважно для своих лет.

– Просто никогда не думала, что мне придется учить этому француженку!

Я не стала объяснять Кристин, как в юном возрасте я страдала от комплекса неполноценности из-за того, что не могла себе позволить себе хороший крем или молочко для ухода за кожей, и всегда завидовала француженкам, у которых этого добра было хоть отбавляй (так мне тогда это представлялось). Сейчас я понимаю, что дело не в цене продукции, а в самом факте заботы о себе, и как результат – на тридцать первом году жизни ни одной крупной морщинки на моем лице не было.

В тот же день Кристин выбежала за покупками, и вернулась с баночками крема, которые она принесла показать, чтобы я одобрила ее выбор.

– Теперь совсем другое дело! – похвалила я подругу.

– Ты меня изрядно напугала сегодня. Хотя, во время покупок, я подумала о том, что если я постарею быстро, как моя мама, то просто сделаю операцию по подтяжке. Это будет дешевле, чем всю жизнь покупать средства ухода.

Этот беспечный ответ был целиком в стиле и манере общения Кристин и выражал ее отношение к красоте, настолько отличное от моего.

Через несколько дней после отъезда Мартина, как назло, испортилась погода. Кристин было неуютно и сыро, она постоянно вздыхала:

– Еще неделю назад мы пили пиво на летних столиках в центре города с тобой и Мартином.

– Как хорошо, что при планировании поездки, он выбрал более ранние даты.

– А Франсуа приезжает в неудачное время. У меня просто кости ломит, если я выхожу на улицу, – конечно же, она преувеличивала, но делала это, как всегда эмоционально, очень забавно показывая мимикой то, как она ежится. – Я сказала ему купить мне несколько теплых кофт, а моя мачеха передала ему зимнее пальто для меня.

И вправду, в следующий уик-энд произошло нечастое явление для конца октября – выпал первый мокрый снег. Мои иностранные друзья начали кутаться в шарфы и шапки, а Кристин из дома даже не выходила, так как из одежды у нее был лишь осенний тонкий плащ, под который она надевала по четыре-пять кофт, но все равно мерзла.

Хоть снег был непродолжительным и мокрым, он надолго оставил ощущение зябкости и сырости от простой прогулки улицами города.

– Я никогда не думал, что может быть так холодно, – жаловался Луи, не без интереса гуляя по улицам с фотокамерой. – Ведь я так мечтал увидеть первый снег.

– Зато в Брюсселе тепло и сухо, – сказала я Кристин, которая пришла домой с пакетом продуктов в руках, нарядная к приезду Франсуа. – Ах, если бы только у меня не заканчивалась виза, я бы с удовольствием смоталась туда отогреться от наших холодов.

Кристин отреагировала молниеносно:

– Я бы ехала, не задумываясь! В конце концов, для того чтобы вам обоим узнать друг друга, нужно провести больше времени вместе. Это важно для серьезных отношений. Подумай об этом!

– Ты, как всегда, права, да и Мартин был бы рад моему приезду. Когда ты поедешь в аэропорт, у меня будет время поискать дешевые билеты – чем черт не шутит!

Когда Кристин ушла, я действительно проверила билеты в Брюссель и даже растерялась от неожиданности: одна из авиакомпаний-лоукостов предлагала промоакцию билетов из Кра-

кова в Брюссель по смехотворной цене – один польский злотый. Конечно же, в цену не были включены налоги и некоторые другие сборы, но даже с поездкой в Варшаву проезд в Брюссель обошелся мне в совершенно смешную сумму.

– Бери билет и даже не задумывайся! – ответил мне Мартин, как только я ему написала. – Я смогу взять несколько выходных по случаю твоего приезда.

– А что мы будем делать все эти дни, поедем куда-то или останемся в Брюсселе? – я спросила почти обреченно, как будто низкая цена на билет не оставляла мне выбора.

– На месте не будем сидеть, это уж точно! В Бельгии есть много замечательных мест, тот же Брюгге, например. А в те дни, когда я буду работать, я попрошу друзей поводить тебя по Брюсселю.

– Хорошо. Я подумаю, но отвечу тебе через день-два, иначе этой промо-акции уже не будет, а покупать более дорогие билеты у меня нет возможности.

Ответ Мартина внушил мне уверенность, так как я действительно почувствовала, что меня ждут:

– Хорошо, дорогая. Буду очень надеяться, что ты приедешь. А знаешь что? Мне только что пришла в голову мысль, что мы могли бы поехать на выходные в Амстердам. Как тебе идея?

Идея была замечательной, и, можно сказать, решающей – я очень хотела увидеть Амстердам, потому что возможности спланировать такую поездку самостоятельно у меня не было.

– Звучит так заманчиво, что я готова ехать хоть сейчас, – засмеялась я.

– А я все бы отдал, чтобы ты приехала прямо сейчас! Ни о чем не беспокойся – просто приезжай, – слова Мартина звучали как бальзам, после них страхов и лишних сомнений у меня не осталось. Пользуясь своим безработным положением, я могла себе позволить уехать на неделю или чуть больше, не заморачиваясь вопросами отпусков и незаконченной работы.

Я оторвалась от переписки для того, чтобы встретить Кристин с Франсуа из аэропорта, и хоть еще час назад я застенчиво заявляла о том, что мне нужно время, чтобы подумать насчет поездки, внутреннее решение мной уже было принято.

Франсуа оказался совсем не таким, каким я его себе представляла, точнее, не таким мужчиной, какого я бы себе представляла рядом с Кристин. По профессии он был преподавателем политологии, потому выглядел весьма серьезно, хоть и был всего на два года старше меня. Видимо, профессия отразилась на нем целиком и полностью, а что касается внешности, то выглядел более, чем солидно: обритая голова, скрюченный орлиный нос, очки без оправ и темное кашемировое пальто для создания эффекта еще большей строгости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.